

Космический госпиталь

Джеймс Уайт

Врач-убийца

1992

Уайт Д.

Врач-убийца / Д. Уайт — 1992 — (Космический госпиталь)

Ошибочка вышла, господин Главный хирург... Хотел – то всего ничего – исцелить население одной – единственной планеты от жуткой эпидемии... а вместо этого население планеты уничтожил. И вот – итог: разжалован в младшие психологи. Карьера погибла. Или все – таки не совсем? Шанс на реабилитацию прибывает из далекого космоса – и в негуманоидной форме. Шанс спасти тело, душу, сознание и подсознание зависшего в депрессии высокопоставленного пришельца. Права на новую ошибку уже нет...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Джеймс Уайт Врач-убийца

Глава 1

Для заседания отвели временно пустующее помещение на восемьдесят седьмом уровне госпиталя. Помещение это в разное время служило обсервационной палатой для птицеподобных наладжимцев (физиологическая классификация ЛСВО), операционной для мельфиан (ЭЛНТ), а еще совсем недавно тут располагалась битком набитая палата для хлородышащих илленсиан-ПВСЖ, и, надо сказать, хлором до сих пор немного припахивало. Да, много чего перевидало это помещение, но впервые за всю историю своего существования стало местом заседания трибунала. Подсудимый – Лиорен – искренне надеялся, что жизнь ему здесь прервут, а не примут решения, согласно которому он вынужден будет ее продолжить.

Трое офицеров Корпуса Мониторов заняли свои места. Перед ними восседала многовиновая аудитория, в рядах которой могли находиться как сочувствующие, так и негодующие, а могли – просто любопытные. Из офицеров старшим по званию был землянин-ДБДГ, он и открыл заседание.

– Я – командор флота Дермод, – представился офицер, – председатель специально созданного трибунала. – Говорил он, глядя исключительно в ту сторону, где стояла записывающая камера. – Членами трибунала, кроме меня, являются землянин, полковник Скемптон, сотрудник этого госпиталя, инициантин, подполковник Драг-Нин, сотрудник отдела межпланетной юстиции Корпуса Мониторов. Мы собрались здесь по делу хирурга-капитана Лиорена, тарланина-БРЛГ, не согласного с решением ранее состоявшегося гражданского федеративного суда. Капитан Лиорен настаивает на своем праве быть судимым трибуналом Корпуса Мониторов.

Подсудимый обвиняется в профессиональной халатности, приведшей к смерти огромного – точно неизвестно, какого именно, – числа больных. Причем, прошу заметить, больных, вверенных его попечению.

Командор флота ненадолго умолк. На подсудимого он подчеркнуто не обращал внимания, апеллируя только к судейской коллегии. А в зале суда на креслах, в люльках и прочих приспособлениях разместилось довольно много разнообразных существ, некоторые из них были Лиорену знакомы: Торннастор – Главный патофизиолог, диагност; старший преподаватель нидиантин Креск-Сар; землянин диагност Конвей, совсем недавно назначенный на должность Главного хирурга госпиталя. Пожалуй, в зале суда нашлись бы такие, кто с радостью выступил бы в защиту Лиорена, но много ли бы нашлось тех, кто смог бы обвинить его, обречь на наказание, кто был бы готов осуществить это наказание самолично?

– Как принято при рассмотрении дел подобного рода, – продолжил свою речь председатель суда, – вначале выступит защита, затем последнее слово скажет обвинение, после чего суд удалится на совещание, чтобы объявить окончательный приговор. В защиту обвиняемого выступит представитель Корпуса Мониторов, землянин, майор О'Мара, возглавляющий Отделение Психологии госпиталя со времени его основания. Его помощником является соммаранданка Ча Трат, сотрудник этого отделения. Обвиняемый хирург-капитан Лиорен выступает собственным обвинителем.

Майор О'Мара, даю вам слово.

Все время, пока разглагольствовал Дермод, О'Мара не сводил с Лиорена пары глаз, полуприкрытых тонкими лоскутками кожи. На глаза землянина падала тень от двух поросших седой шерстью надбровных дуг. Когда землянин поднялся на свои две конечности, суфлирующий экран не загорелся – видимо, О'Мара решил говорить без записей.

Сердито и нетерпеливо, как существо, не привыкшее соблюдать вежливость, О'Мара проговорил:

– Да будет мне позволено заметить высокому суду, что хирург-капитан Лиорен обвиняется – а вернее сказать, сам себя обвиняет – в преступлении, по делу о котором гражданский суд его уже оправдал. Со всем уважением, сэр, позвольте отметить, что по идее ни обвиняемому, ни нам не следовало бы присутствовать здесь, да и трибуналу как таковому не стоило бы собираться.

– На решение гражданского суда, – прохрипел Лиорен, – в большой степени повлияло выступление защитника. Он был полон сочувствия и сострадания ко мне, в то время как я больше всего нуждался в справедливости. Теперь же я надеюсь на...

– На то, что я таким замечательным защитником не окажусь? – подсказал Лиорену О'Мара.

– Нет, я отлично знаю, какой вы замечательный защитник! – громко воскликнул Лиорен, стараясь говорить как можно выразительнее – он знал, что при переводе эмоциональность речи утрачивается. – И как раз это меня удручает больше всего. Зачем вам защищать меня? Учитывая вашу репутацию, ваш богатейший опыт в психологии разных биологических видов и те высокие требования, которые лично вы предъявляете к сотрудникам, я думал, что уж вы-то поймете и поддержите меня вместо того, чтобы...

– Да я ведь вас как раз и поддерживаю, черт бы вас побрал... – начал было возражать О'Мара, однако командор флота, он же председатель суда прервал его отвратительным звуком, возникающим тогда, когда земляне производят прочистку своих верхних дыхательных путей.

– Давайте раз и навсегда договоримся, – сдержанно проговорил Дермод, – что все выступающие по данному делу будут адресовывать свои реплики не друг к другу, а к председателю суда. Хирург-капитан Лиорен, как только ваш нынешний защитник закончит свое выступление, вам будет предоставлено слово вне зависимости от того, какой окажется защита – блестящей или никудышной. Продолжайте, майор.

Лиорен направил один глаз на судей, другой – на молчаливый зал, а третий не сводил с землянина О'Мары. Тот же, так и не удосужившись воспользоваться записями, в подробностях рассказывал об обучении, продвижении по службе и главных профессиональных заслугах Лиорена за время работы в Главном Госпитале Двенадцатого Сектора. В прошлом майор О'Мара никогда не пел Лиорену таких дифирамбов ни лично, ни за глаза. Нынешнее выступление заведованием психологии великолепно звучало бы на похоронах уважаемого покойника.

Вот только, к несчастью, Лиорен пока не чувствовал себя ни тем, ни другим.

Будучи психологом госпиталя, О'Мара всегда и прежде всего заботился о том, чтобы его персонал – десять с лишним тысяч сотрудников – трудился эффективно и гладко. По причинам административного характера О'Мара носил чин майора Корпуса Мониторов – юридического и исполнительного органа Федерации, в обязанности которого, в частности, входило обеспечение жизнедеятельности Главного Госпиталя Сектора. Справедливо будет отметить, что обеспечение гармоничного сотрудничества разных и временами враждебных друг другу форм жизни под одной крышей – работа поистине безграничная – безграничная, как авторитет и власть О'Мары.

Даже несмотря на то, что персоналу госпиталя, независимо от уровня сотрудников, постоянно прививались терпимость и взаимное уважение, невзирая на то, что до зачисления на стажировку любой соискатель подвергался скрупулезнейшему психологическому скринингу, – невзирая на все это, все же бывали случаи, когда на почве игнорирования или непонимания моральных принципов друг друга, основ социального поведения или эволюционных установок возникали межвидовые трения. Либо – что куда опаснее: у того или иного существа развивалась невротическая ксенофобия, которая, если ее оставить без лечения, могла в конечном итоге сказаться на профессиональных качествах индивида, его психическом равновесии и так далее.

Медик-тралтан, испытывающий подсознательный страх перед отвратительными маленькими хищниками, столь долго терзавшими его родную планету, мог также испытать большие психологические трудности при лечении высокоцивилизованного креглимнийца, как две капли воды похожего на одного из тех самых хищников. Наверняка тралтану было бы здорово не по себе и в обратном случае: если бы он захворал, а его взялся пользоваться коллега-креглимниец. Вот такие проблемы и приходилось выявлять и решать Главному психологу О'Маре. Выявлять и решать прежде, чем могла возникнуть угроза для жизни или психики сотрудника. Ну а если сделать ничего не удавалось, приходилось избавляться от беспокойного члена персонала.

Лиорен помнил те времена, когда эта постоянная слежка, этот вечный поиск признаков неверного, нездорового, косного мышления – поиск, которому Главный психолог отдавал всего себя без остатка, – весьма поспособствовал тому, что О'Мара стал самым нелюбимым сотрудником Главного Госпиталя Сектора. Его боялись. Ему не верили.

И вот теперь О'Мара вел себя совершенно нетипично – то есть проявлял именно те симптомы, которые у других всегда называл «нехорошими». Защищая существо, совершившее столь вопиющее преступление и проявившее жуткую халатность, стоившую жизни населению целой планеты – то есть существо, продемонстрировавшее беспрецедентный образец неправильного мышления, – О'Мара тем самым отказывался ото всех принципов, которые исповедовал в течение жизни.

На мгновение Лиорен задержал взгляд одного из трех глаз на шерсти, растущей на голове у землянина, – теперь эта шерсть стала гораздо более седой, чем была раньше. У Лиорена мелькнула мысль: может быть, у землянина началось какое-нибудь возрастное психическое заболевание типа тех, от которых он так старался уберечь других? Между тем говорил О'Мара членораздельно и вполне разумно.

– ...Продвижение Лиорена по служебной лестнице во все времена соответствовало его профессиональной компетенции. Лиорен – обладатель Синей Мантии, то есть высшего знака отличия на Тарле. Если суд пожелает, я могу более подробно рассказать о том, насколько самоотверженно и успешно трудился Лиорен на ниве межвидовой терапии и хирургии во все время своей работы в госпитале. Кроме того, мы располагаем документацией, подтверждающей вполне заслуженное продвижение Лиорена по службе и после того, как он уволился из госпиталя. Однако мне бы не хотелось тратить время на ненужные повторения – все эти материалы только подтверждают мою главную мысль: профессиональное поведение Лиорена вплоть до совершения того, в чем он обвиняется, и даже непосредственно во время совершения преступления было образцовым.

Полагаю, что суд может обвинить Лиорена в единственном, – продолжал О'Мара, – в том, что его профессиональные требования к себе к моменту происшествия на Кромзаге были неоправданно завышены, и в том, что впоследствии у обвиняемого развилось непропорционально сильное чувство вины. Единственное преступление Лиорена заключается в том, что он требовал от себя слишком многого, в то время как...

– Но это вовсе не преступление! – громко воскликнула ассистент О'Мары, Ча Трат, и неожиданно встала во весь свой огромный рост. – На Соммарадве медицинский кодекс, которым руководствуются военные хирурги, очень суров – он намного строже тех правил, которые существуют на других планетах. Поэтому я вполне разделяю чувства обвиняемого и сострадаю ему. Однако предполагать, что строгая самодисциплина, высокая требовательность к собственному профессионализму в каком-то смысле дурны, преступны, – это такая чушь!

– В истории большинства планет Федерации, – громким голосом перебил свою ассистентку О'Мара, – масса упоминаний о том, чего при подобных взглядах добивались политические и религиозные фанатики. – Кожные покровы землянина приобрели красноватый оттенок, а это говорило о том, что он крайне недоволен поведением своей подчиненной. – С психоло-

гической точки зрения, – уже более спокойно заметил О'Мара, – гораздо здоровее придерживаться во всем умеренности, с тем чтобы оставить немного места для...

– Но, безусловно, – снова перебила его Ча Трат, – все это не относится к абсолютному добру! А вы, похоже, пытаетесь доказать, что добро... что добро – это зло!

Ча Трат была первой из существ вида ДЦНФ – первой соммарадванкой, которую увидел Лиорен. Стоя, она была в полтора раза выше О'Мары. Фигура соммарадванки отличалась симметричностью и устойчивостью. Устойчивость обеспечивалась четырьмя нижними конечностями, таким же числом срединных конечностей, расположенных на уровне пояса и верхним набором более тонких и легких конечностей, прикрепленных на уровне шеи и предназначенных для приема пищи и выполнения других точных операций. Да, соммарадванка производила впечатление стабильного существа – чего никак нельзя было сказать о землянах: эти, казалось, каждое мгновение рискуют упасть лицом вниз. Лиорен задумался, что, возможно, Ча Трат единственная из всех присутствующих на суде, кому так хорошо понятны его чувства. Затем он сосредоточился на тех образах, которые его разум получал от глаза, созерцавшего троих судей.

Полковник Скемптон обнажил зубы – таким образом земляне выказывали дружелюбие или показывали, что происходящее их забавляет. Выражение физиономии офицера-нидианина невозможно было разглядеть за густой шерстью, а лицо командора флота даже не изменилось, когда он заговорил.

– Представители защиты, – вежливо спросил председательствующий, – спорят между собой о виновности или невиновности подсудимого? Или же просто прерывают друг друга, стремясь побыстрее изложить суть дела? В любом случае прошу вас вести себя более сдержанно и обращаться к суду по очереди.

– Моя уважаемая коллега, – проговорил О'Мара голосом, в котором, невзирая на старательную фильтрацию эмоций при переводе, звучало все что угодно – только не уважение, – пыталась выразить поддержку обвиняемому, но, пожалуй, проявила излишнее рвение. Наши личные споры мы продолжим наедине и в другое время.

– В таком случае прошу вас продолжать, – отчеканил председатель.

Ча Трат села, а Главный психолог, чьи кожные покровы оставались гиперемированными <красными (мед.)>, пояснил:

– Я стараюсь внести ясность. Дело в том, что обвиняемый, что бы он сам по этому поводу ни думал, не несет полной ответственности за случившееся на Кромзаге. Для того чтобы доказать это, мне придется прибегнуть к материалам, которые обычно хранятся только в моем отделении. Эти материалы...

Командор флота Дермод поднял переднюю конечность и развернул ее ладонью вверх.

– Если это засекреченные материалы, майор, – сказал он, – вы не имеете права разглашать их без разрешения того, о ком идет речь. Если обвиняемый запрещает использование этих материалов...

– Запрещаю, – решительно проговорил Лиорен.

– Следовательно, суду не остается ничего иного, как сделать то же самое, – заключил председатель суда, не обратив ни малейшего внимания на реплику Лиорена. – Безусловно, вы об этом осведомлены?

– Кроме этого, сэр, я также не хуже вас осведомлен о том, – парировал О'Мара, – что дай мы обвиняемому волю, так он вообще бы отказался от какой бы то ни было защиты.

Командор опустил руку и заметил:

– Тем не менее, когда речь идет о засекреченных материалах, подобное право у обвиняемого имеется и с этим правом надо считаться.

– А я готов поспорить с его правом на совершение правового самоубийства, – возразил О'Мара. – В противном случае я бы не стал предлагать свои услуги в защите высокоразвитого,

обладающего прекрасным профессиональным уровнем существа, но при этом – непроходимого тупицы. Материалы, о которых идет речь, носят конфиденциальный характер и предназначены для служебного пользования, но они ни в коем случае не засекречены, поскольку ими могли и могут пользоваться любые сотрудники, имеющие соответствующий допуск и желающие получить исчерпывающую психологическую информацию о кандидате на какую-либо должность или соискателе более высокой должности. Хочу без ложной скромности сказать, что именно благодаря составленному в моем отделении психологическому портрету хирурга-капитана Лиорена его и приняли в Корпус Мониторов. Думаю, немалую роль эти материалы сыграли и в его последующей карьере – за последнее время Лиорена трижды повышали в должности. И даже если бы у нас была возможность самым старательным образом проследить за психопрофилем обвиняемого со времени его ухода из госпиталя, нет никакой уверенности, что трагедии на Кромзаге удалось бы избежать. И личность, и мотивации существа, ставшего причиной трагедии, были к тому времени полностью сформированы и устойчивы. Увы, прежде я не видел причин что-либо менять в психопрофиле обвиняемого.

Главный психолог на миг умолк и обвел взглядом аудиторию, после чего вернулся глазами к офицерам во главе с Дермодом. Суфлирующий экран загорелся, но О'Мара только мельком взглянул на быстро бегущие строчки значков и продолжил:

– Перед вами психологический портрет существа, отличающегося беззаветной преданностью своей профессии. Несмотря на то, что во время проведения тестирования в госпитале работали соотечественницы Лиорена, тарланки, он не проявлял к ним не малейшего интереса. Добровольное безбрачие имеет место среди ряда представителей разумных видов, к нему прибегают по различным причинам – личным, философским, религиозным. Подобное поведение редко, даже необычно, но не является психическим отклонением.

В жизни Лиорена не было никаких случаев – происшествий, поведенческих реакций, особенностей мышления, – которые я мог бы счесть аномальными. – О'Мара решительно взглянул на тарланина. – Он ел, спал и работал. В то время как его коллеги в свободное от работы время отдыхали или развлекались, Лиорен учился или приобретал дополнительный опыт в тех областях, которые его особенно интересовали. Когда Лиорен получал повышение, это вызывало крайнее недовольство как среднего медицинского персонала, так и обслуживающего, занятого в той палате, где работал тарланин: Лиорен требовал от своих подчиненных такой же отдачи, как и от себя. Но вот тем пациентам, которые попадали в палату к Лиорену, поистине везло. Правда, редкостная преданность уходу за больными и почти полное отсутствие гибкости ума заставляли задуматься о том, что должности диагноста Лиорену не получить никогда.

Однако Главный Госпиталь Сектора Лиорен покинул не по этой причине, – поспешно добавил О'Мара. – Причина была другая. Лиорена угнетала недисциплинированность ряда сотрудников, их не слишком серьезное отношение к собственным промашкам, безответственность в часы, свободные от дежурства. Лиорен захотел продолжить работу в атмосфере более строгой дисциплины. Все его повышения по службе в рядах Корпуса Мониторов были заслуженны, включая и назначение руководителем операции по спасению населения на Кромзаге, которая в итоге закончилась трагедией.

Главный психолог опустил глаза, но не для того, чтобы посмотреть на монитор, – О'Мара почему-то закрыл глаза. Затем резко и неожиданно открыл их и заговорил снова.

– Перед нами, – сказал он, – психопрофиль существа, у которого не было иного выбора, как только поступить именно так, как оно и поступило. Поэтому действия Лиорена в сложившихся обстоятельствах были верны. Ни о какой беспечности, ни о какой халатности тут не может быть и речи, и следовательно – подчеркиваю, – не может быть и речи о виновности. Только после того, как немногие из оставшихся в живых кромзагарцев пробыли в нашем госпитале под наблюдением в течение двух месяцев, мы сумели выявить вторичные эндокринологические осложнения того заболевания, которое на Кромзаге лечил Лиорен. Так что если в

чем Лиорен и провинился, так это в некоторой поспешности да еще в том, что был твердо уверен: медицинского оборудования на его корабле хватит для выполнения поставленной задачи.

Буду краток. Мне остается только просить суд, чтобы наказание соответствовало степени преступления, а не его последствиям – на чем так настаивает подсудимый и на что, безусловно, обратит свое внимание обвинение. Как бы катастрофично и ужасающе ни выглядели последствия деяний хирурга-капитана Лиорена, вина его сама по себе невелика, а именно так к ней следует относиться.

Пока О'Мара говорил, Лиорену все труднее удавалось сдерживать возмущение. Бледные, желто-зеленые кожные покровы тарланина покрылись коричневыми пятнами, оба наружных легких раздулись, и из них вот-вот должны были политься слова протеста – оглушительные, невнятные, способные нанести значительные повреждения органам слуха многих из присутствующих.

– Обвиняемый близок к эмоциональному расстройству, – поспешно проговорил О'Мара. – Я настаиваю на том, чтобы дело против хирурга-капитана Лиорена было прекращено, либо, в том случае если оно прекращено не будет, чтобы приговор не предусматривал тюремного заключения. Идеальным мне представляется вариант решения, согласно которому обвиняемый остался бы здесь, в госпитале, где ему всегда могла бы быть оказана психологическая помощь и где он мог бы по-прежнему радовать наших больных своим вниманием, пока...

– Нет! – воскликнул Лиорен, и транслятор захрипел от звуковой перегрузки. – Я поклялся именами великих целителей Седита и Врезрина, что до конца своих дней не буду больше заниматься медициной!

– А вот это, – в тон ему прокричал О'Мара, – было бы настоящим преступлением. Это было бы постыдное и непростительное зарывание в землю великого таланта, и в этом вы были бы повинны целиком и полностью.

– Будь мне дано хоть сто жизней, – прохрипел Лиорен, – я бы все равно не смог спасти никого из тех, кто умер по моей вине.

– Но вы могли бы попытаться... – начал было О'Мара, но не договорил, поскольку командор Дермод снова поднял руку.

– Обращайте ваши доводы к суду, а не друг к другу, – распорядился Дермод, глянув по очереди на О'Мару и Лиорена. – Это – последнее предупреждение. Майор О'Мара, не так давно вы заметили, что будете кратки. Следует ли суду предположить, что вы уже сказали все, что вам оставалось сказать?

Главный психолог на секунду замер и тяжело вздохнул.

– Да, сэр. – Он сел.

– Очень хорошо, – резюмировал командор. – Теперь суд заслушает обвинение. Хирург-капитан Лиорен, вы готовы?

Кожные покровы Лиорена отражали бушующую в его душе гамму переживаний, однако поверхностные воздушные мешки уже осели вполне достаточно для того, чтобы Лиорен смог довольно-таки спокойно выговорить:

– Я готов.

Глава 2

Система, в состав которой входила планета Кромзаг, была обнаружена разведывательным кораблем Корпуса Мониторов «Теньелфи» во время облета Девятого Сектора, где на галактических картах наблюдалось одно из трехмерных «белых пятен». Обнаружение системы обитаемых планет стало приятным разнообразием на фоне скучнейших занятий типа подсчета и замеров местоположения мириадом звезд. А когда экипаж корабля выяснил, что одна из обитаемых планет населена разумными местными формами жизни, то радости поистине не было конца. Однако радоваться долго не пришлось. В связи с тем, что команда разведывательного корабля состояла всего из четверых сотрудников и не была готова к осуществлению процедуры первого контакта, устав запрещал посадку на планете. Так что экипаж довольствовался визуальными наблюдениями с орбиты. В процессе облета команда «Теньелфи» пыталась определить уровень развития техники на планете, для чего производилось определение частот средств связи и выявление любых видов электромагнитного излучения с поверхности планеты.

В результате команда «Теньелфи» весьма подзадержалась на орбите и истратила львиную долю запасов энергии на питание прожорливого субпространственного коммуникатора, с помощью которого на базу посылались все более и более тревожные сообщения.

Специализированный корабль Корпуса Мониторов «Декарт», разработанный именно для осуществления контактов с разнообразными формами жизни, в то время использовался для налаживания связи с планетой Слепышей. В ту пору контакт с местными жителями достиг той стадии, когда прерывать его было бы крайне нежелательно. Обычно для осуществления первого контакта с новой формой жизни посылали именно «Декарт», но сейчас речь шла даже не о первом контакте как таковом, а о том, чтобы в живых остался хоть кто-то из обитателей Кромзага, чтобы вообще думать о какой-либо возможности контакта.

Боевой корабль императорского класса «Веспасиан», способный к ведению глобальной войны, на сей раз получил задание глобальную войну прекратить, вследствие чего был спешно переоборудован для мирных целей и отправлен в район бедствия. Кораблем командовал землянин, полковник Вильямсон, но за все операции на поверхности планеты отвечал его заместитель, тарланин, капитан-хирург Лиорен.

Примерно через час после того, как «Веспасиан» вышел на орбиту планеты, корабль «Теньелфи» состыковался с ним, и вскоре на борт «Веспасиана» явились капитан – землянин майор Нельсон и офицер-медик, хирург-лейтенант, нидианин Драфт-Юр. Вот что они сообщили.

– Мы записали местные радиосигналы, – затараторил майор Нельсон. – Согласно нашим данным, передвижение транспорта по планете крайне ограничено. Мы пытались расшифровать сигналы, но у нас ничего не получилось, поскольку резервные возможности нашего компьютера невелики – их только-только хватает для перевода внутренних переговоров экипажа. Так что, если честно, мы даже не понимаем, знают ли обитатели планеты о том, что мы тут находимся.

– Тактический компьютер «Веспасиана» начиная с этой минуты займется расшифровкой радиосигналов с поверхности планеты, – нетерпеливо прервал майора полковник Нельсон. – Полученные данные будут вам переданы. Но гораздо больше того, что вы не услышали, нас интересует то, что вы увидели. Прошу вас, продолжайте, майор.

Не нужно было упоминать о том, что хотя громадный капитальный корабль Вильямсона и имел большой компьютерный мозг, зато уж зрение у крошечного, но высокоспециализированного суденышка Нельсона не уступало никому.

– Как видите, – отвечал Нельсон, нажимая на клавиши пульта и оживляя безразмерный видеозэкран военного гиганта, – мы исследовали планету с расстояния, равного пяти ее

диаметрам, прежде чем опустились ниже и занялись картированием территории с признаками обитания. Настоящая планета – третья по счету из восьми планет системы и, насколько нам известно, единственная, где есть жизнь. Продолжительность суток здесь – чуть больше девятнадцати часов, сила притяжения – одна целая и одна четвертая от земной, атмосферное давление пропорционально притяжению, состав атмосферы подходит для дыхания большинства теплокровных кислорододышащих существ.

Поверхность суши разделена на семнадцать крупных островных континентов. За исключением двух, расположенных ближе к полюсам, все континенты обитаемы, но населен в настоящее время только самый крупный, экваториальный материк. На остальных континентах отмечаются признаки того, что в прошлом они были населены, и не просто населены, а отличались высоким уровнем развития техники, включая мощный сухопутный и воздушный транспорт. Следы остаточной радиации показывают, что местные обитатели пользовались атомной энергией, которую перерабатывали в электрическую. И малые, и крупные города в настоящее время покинуты. Признаков повреждения зданий нет, однако ни промышленных, ни бытовых загрязнений атмосферы над городами не отмечается, не отмечается и загрязнений почвы, нет свидетельств производства продуктов питания. Поверхность дорог, тротуаров и часть небольших построек разрушена и повреждена за счет неконтролируемого роста растений. Даже в обитаемых частях экваториального континента наблюдается полное пренебрежение уходом за зданиями и полями, а также связанные с этим свидетельства...

– Очевидно, местная чума, – вмешался Лиорен. – Эпидемия заболевания, к которому у местного населения почти нет иммунитета. Болезнь сильно сократила численность населения планеты. Обитателей осталось настолько мало, что они не в состоянии поддерживать порядок ни в городах, ни на полях, ни на дорогах. Оставшиеся в живых собрались поближе к экватору – там, где потеплее, где нет нужды потреблять много электроэнергии... – собрались, чтобы...

– Вести кровавую битву! – встрял медик разведывательного корабля Драфт-Юр. Нидианская речь звучала ругательно, даже несмотря на фильтрацию эмоций при переводе. – Но, доложу я вам, форма борьбы уж больно устаревшая. Не то они просто воевать обожают, не то друг друга ненавидят. И очень сильно уважают частную собственность. Оружием массового уничтожения не пользуются, с воздуха не бомбят, артиллерию не применяют, хотя средств у них для этого предостаточно. Транспортom они пользуются исключительно для доставки бойцов к полю битвы, где те дерутся врукопашную, безо всякого оружия. Просто дикарство какое-то. Вот, полюбуйтесь.

На стратегическом экране «Веспасиана» замелькали фотографии: поляны в тропических лесах, городские улицы – резкие, чистые снимки, невзирая на то что сделаны они были с колоссальным увеличением, сверху, с расстояния в пятьдесят миль. Как правило, с орбиты трудно подробно узнать о том, какова масса тела и детали физиологии аборигенов. Иногда в этом помогало изучение отбрасываемых местными жителями теней. Лиорен с тоской думал, что и этот метод сейчас не годился – большинство обитателей планеты валялись на земле мертвые.

Снимки шокировали хирурга-капитана Лиорена, однако не произвели на него такого болезненного впечатления, как на Драфт-Юра. Дело в том, что для нидианской цивилизации характерно было почитание разлагающихся останков погибших. Пусть так, но все равно такое количество трупов на улицах и лесных полянах представляло собой очевидный риск.

Лиорена тут же заинтересовало: оставшиеся в живых не хотели или не могли хоронить погибших? За фотоснимками последовали кадры киносъемки – правда, уже не такие четкие. Двое аборигенов, лежа на земле, наносили друг другу столь нежные и безболезненные удары, что их схватку можно было принять за спаривание.

Нидианин, видимо, прочел мысли Лиорена. Он продолжил свой комментарий:

– Эти двое выглядят так, словно они не способны нанести друг другу серьезных травм, и вначале я предположил, что местные обитатели лишены физической выносливости. Но затем

мы наблюдали других существ, которые вели тяжелые, непрерывные схватки весь день напролет. Обратите внимание на то, что кожные покровы у этих двоих, которых вы сейчас видите перед собой, почти полностью обесцвечены, в то время как у других они имеют нормальный вид. Отмечается совершенно определенная зависимость между степенью физической ослабленности и площадью обесцвечивания кожи. Полагаю, резонно предположить, что эти двое скорее очень больны, нежели переутомлены. Однако все это, – сердито проворчал Драфт-Юр, заканчивая свой комментарий, – не мешает им пытаться убить друг дружку.

Лиорен оторвал одну руку от стола и вытянул средние пальцы – так тарлане выражают уважение и одобрение. Оба офицера сделали вид, что этот жест им незнаком. Лиорен понял: нужно похвалить их словесно.

– Майор Нельсон, хирург-лейтенант Драфт-Юр, – сказал Лиорен. – Вы оба прекрасно справились со своими обязанностями и проделали большую работу. Однако вы можете сделать кое-что еще. Скажите, а остальные члены экипажа вашего корабля также имели возможность наблюдать положение на поверхности планеты и обсуждать его между собой?

– Да их заткнуть было невоз... – начал было Нельсон.

– Да, – рявкнул Драфт-Юр.

– Хорошо, – протянул Лиорен. – «Тенельфи» снимается с исследовательской вахты. Офицеры могут перейти на борт «Веспасиана». Они отправятся в составе экипажа первых четырех разведывательных катеров в качестве советников, поскольку в любом случае о ситуации на поверхности планеты осведомлены лучше, чем экипаж «Веспасиана». Наш корабль останется на орбите до тех пор, пока не будет выбрано наиболее подходящее место для осуществления спасательной операции.

Обычно в подобных ситуациях Лиорену жутко не хотелось тратить время на вежливость и обходительность, однако он уже знал, что, когда дело касалось старших офицеров-землян, затраты времени с лихвой окупались в будущем. А полковник Вильямсон в конце концов все-таки был командиром «Веспасиана» и номинально – старшим по званию.

– Если у вас есть какие-либо добавления или возражения, сэр, – заметил Лиорен, – я был бы рад их выслушать.

Полковник Вильямсон бросил быстрый взгляд на Нельсона и Драфт-Юра и вернулся глазами к Лиорену. Офицеры исследовательского корабля показали зубы. Показал зубы и полковник.

– «Тенельфи» все равно не сможет продолжать свою работу до тех пор, пока мы не заправим корабль и не загрузим его всем необходимым, – заметил Вильямсон. – И я был бы крайне удивлен, если бы офицеры «Тенельфи» отказались немного развеяться. Вы их уже расположили к себе, хирург-капитан. Прошу вас, продолжайте.

– Прежде всего нужно положить конец боевым действиям, – пояснил Лиорен. – Только тогда появится возможность оказать медицинскую помощь больным и раненым. Однако насильственное прерывание поединков должно производиться без нанесения дополнительных травм. Местное население не должно пострадать морально. Для представителей цивилизации, которая еще не освоила межзвездные перелеты, прибытие космического корабля размеров «Веспасиана», в состав экипажа которого входят невиданные, по их понятиям, чудища, может вызвать шок. Поэтому сначала нужно будет приблизиться к планете на небольшом судне, и главное, чтобы в команду этого судна входили существа, размерами не превосходящие местных обитателей. Кроме того, посадку следует произвести тайно, в ненаселенной местности, стараясь вызвать как можно меньше потрясений...

Для этой цели выбрали спускаемый модуль «Веспасиана», способный осуществлять как операции в открытом космосе, так и неограниченные аэродинамические маневры в атмосфере. Лиорен подумал, что, наверное, модуль приспособлен только для землян. Им одним в нем

было бы удобно и просторно, но теперь модуль был и перегружен, и набит битком, так что – не до удобства.

Модуль покинул оранжевую полосу рассвета и под острым углом вонзился в кудлатое темное облако. Было сделано все для того, чтобы посадка прошла по возможности тише и незаметнее: скорость снижена до предела, огни выключены – горели только инфракрасные датчики, а уж могли или не могли местные жители засечь эти датчики – оставалось под вопросом.

Лиорен смотрел на увеличенное изображение лесной поляны с одним-единственным зданием – низким, покрытым крышей и снабженным множеством пристроек. Модуль несся к поверхности планеты слишком быстро – как громадный метеорит. А потом вдруг внизу обозначились три необычно плоских участка растительности, которые тут же превратились в три неглубоких кратера – это прессорные лучи обеспечивали модулю необходимую опору. Вскоре модуль уже покоился на невидимых амортизаторах. Посадка прошла бесшумно и почти незаметно.

Лиорен неодобрительно глянул на пилота. Он уже не впервые удивлялся тому, почему это некоторым специалистам так уж необходимо выпячивать свой высокий профессионализм: Лиорен еще не успел и рта раскрыть, чтобы хоть что-то сказать о посадке, а пилот уже успел выбросить трап!

Все облачились в тяжелые скафандры, но надевать шлемы и брать с собой запасные баллоны с воздухом не стали, надеясь на то, что и такой брони за глаза хватит, чтобы выдержать любое нападение местных жителей – существ разумных, но пользовавшихся только оружием, данным им природой. Пятеро землян и трое орлигианцев из состава отряда побежали осматривать пристройки, а Драхт-Юр и Лиорен поспешили к основному зданию, где, несмотря на ранний час, горел свет. Пригибаясь, они обошли здание по кругу. Окна были закрыты, но не занавешены. Лиорен и Драхт-Юр остановились около единственной двери.

Драхт-Юр направил на дверь свой сканер. Биосенсор сообщил ему сведения о живых существах в доме. Пользуясь встроенным радио, он сообщил:

– За дверью располагается большое помещение, в настоящее время пустое. С ним смежны три помещения меньшей площади. В первом из них живых существ нет, во втором видны следы жизнедеятельности, однако находящиеся там существа не двигаются и расположены настолько близко одно к другому, что я даже не могу точно сказать, два там существа или же три. Но все они производят негромкие нечленораздельные звуки, характерные для периода сна. Не исключено, что существа больны или ранены. В третьей комнате находится одно существо, движения которого медленны и осторожны. Звуки, доносящиеся из этой комнаты, довольно тихие, но четкие и напоминают звяканье кухонной утвари. Все говорит о том, что обитатели дома не догадываются о нашем присутствии.

Механизм открывания двери очень прост, – продолжал нидианин. – С внутренней стороны имеется большой металлический засов, но в настоящее время он не заложен. Можно просто приподнять задвижку и войти, сэр.

Лиорен обрадовался. Взломай они дверь, и местные жители вряд ли поверили бы в их добрые намерения. Однако в доме находилось четверо местных, и Лиорену не хотелось входить туда в сопровождении только одного пускай и пылающего энтузиазмом миниатюрного нидианина. Лиорен молчал и не тронулся с места до тех пор, пока не подошли остальные и не сообщили, что в пристройках не обнаружено ничего, кроме сельскохозяйственного инвентаря и неразумных домашних животных.

Лиорен коротко описал отряду внутреннюю планировку дома, после чего добавил:

– Самый высокий риск для нас представляет группа существ, находящихся в маленьких комнатах сразу за большой. Им ни в коем случае нельзя позволять покидать помещение до тех пор, пока они не будут ознакомлены с тем, кто мы такие и зачем прибыли. Четверо из вас будут охранять наружную дверь, а еще четверо – окно, на тот случай если обитатели дома

вздумают уйти этим путем. Мы с Драхт-Юром попытаемся переговорить с еще одним существом. Помните: будьте спокойны, выдержанны, внимательны, не проявляйте ни в коем случае агрессии, не повреждайте мебель и произведения искусства, а в особенности постарайтесь не наносить никаких повреждений самим живым существам и вообще не совершайте никаких действий, из-за которых местные жители могли бы усомниться в наших добрых намерениях.

С этими словами Лиорен тихо открыл дверь и первым вошел в дом.

С потолка свисала масляная лампа. На стенах висели несколько резных картин и высохшие, неухоженные ароматические растения. Однако обонятельные органы Лиорена сочли запах растений приятным. У стены, напротив двери, стоял длинный обеденный стол, к которому было придвинуто четыре стула с высокими спинками. Кроме того, в комнате стояло еще несколько маленьких столиков и кресел, большой книжный шкаф и ряд предметов, назначения которых Лиорен сразу не разгадал. Мебель большей частью была деревянная, крепко, но не слишком изящно сработанная. Некоторые предметы обстановки имели вид фабричных, хотя все было настолько изношено и поцарапано, что становилось понятно – лучшие времена обстановка комнаты знавала, но очень давно. Середина пустовала, там лежал довольно толстый ковер, заглушивший шаги членов отряда.

Двери во все три смежные комнаты были открыты. Оттуда, где, согласно показаниям сенсорного датчика, находилось одно существо, доносились звуки контакта металлической утвари с фаянсовой посудой, к которым примешивался жалобный голос, не произносивший, правда, членораздельных фраз. Лиорен гадал: то ли существо стонет от боли или ран, то ли что-то напевает. Тарланин уже собирался войти и познакомиться с местным жителем, но тут нидианин протянул к нему одну из своих срединных конечностей и указал на дверь другой жилой комнаты.

Один из землян держал руку на ручке двери – крепко, чтобы находящиеся в комнате существа не смогли открыть дверь изнутри. Но вот он поднял свободную руку на уровень пояса, вытянул три пальца, затем опустил руку до уровня бедра ладонью вниз и вытянул два пальца, после чего опустил руку еще ниже – почти до коленного сустава и вытянул один палец. Потом землянин на миг оторвал руку от дверной ручки, сложил ладони вместе и приложил к боковой поверхности лица, после чего немного наклонил голову и прикрыл глаза.

На миг Лиорен был совершенно ошарашен жестикуляцией, но тут же вспомнил, что последним жестом люди и еще ряд существ показывают, что кто-то спит.

Остальные жесты могли означать: в комнате трое детей, из которых один – совсем малыш, и все трое спят.

Лиорен по-землянски понимающе склонил голову, радуясь тому, что детей легко будет удержать в комнате, а стало быть, по округе не распространятся пугающие население слухи. Лиорен уверенно шагнул к открытой двери, ведущей в помещение, где находился, судя по всему, единственный взрослый в доме. Существо стояло спиной к двери, и Лиорен видел его полупрофиль. Чем занималось существо, понять было невозможно, так как конечности его были скрыты верхней частью торса. Подвижные глаза, обеспечивающие круговой обзор, у существа отсутствовали, так что какое-то время Лиорен наблюдал за ним, не рискуя быть замеченным.

Конфигурацией тела существо больше походило на Лиорена, нежели на землян, нидиан или орлигианцев, из-за чего зрительный шок при первом контакте по идее должен был бы свестись к минимуму. Общие физические характеристики разительно совпадали: у местного обитателя, так же как у тарланина, имелось три набора конечностей: нижние, срединные и верхние, однако у тарлан в каждом наборе было по четыре конечности, а у этого существа – по две... Кроме того, отличало существо и наличие густого синего волосяного покрова не черепной коробке, откуда волосы узкой полосой тянулись по позвоночнику и покрывали хвост. На коже существа виднелись бледно-желтые обесцвеченные островки – свидетельства болезни, которая

в сочетании с дикой, варварской войной грозила гибелью всему населению планеты. Физиологическую классификацию существа Лиорен определил как ДЦСЛ и решил, что излечить и его, и его собратьев будет достаточно просто, лишь бы только добиться на это их согласия.

Намереваясь привлечь внимание существа, Лиорен захлопал срединными руками – сначала тихо, затем все громче и громче. И когда существо вдруг резко обернулось, чтобы посмотреть на неожиданного гостя, тарланин проговорил:

– Мы – друзья. Мы пришли, чтобы...

Существо держало в руках большую миску, частично наполненную бледно-серым полужидким веществом. Еще одна рука сжимала миску меньшего размера, из которой что-то переливала в большую. Лиорен успел отметить, что обе миски были довольно увесистые, толсто-стенные и, судя по всему, изготовлены из очень хрупкой керамики, что и подтвердилось во время падения обеих мисок на пол. Шум при этом получился такой, что в соседней комнате мгновенно проснулись все трое детей, и один из них, по всей вероятности, самый младший, принялся издавать испуганные, громкие, нечленораздельные звуки.

– Мы не сделаем вам ничего плохого, – продолжал Лиорен. – Мы пришли, чтобы помочь вам вылечиться от ужасной болезни, которая...

Существо издало писклявый дрожащий звук, который транслятор перевел следующим образом:

– Дети! Что вы сделали с детьми?

С этими словами существо бросилось на Лиорена и Драхт-Юра.

И надо сказать, это не было безоружное нападение.

На столе лежало довольно много предметов кухонной утвари, и существо выбрало длинный и острый нож, который незамедлительно швырнуло прямо в грудь Лиорена. Лезвие не поранило Лиорена, но повредило ткань скафандра. Существо, однако, оказалось весьма сообразительным и приготовилось нанести более точный удар – и нанесло бы, если бы Лиорен не успел ухватить его за запястье двумя срединными руками. Успеть-то он успел, но получил-таки небольшой порез – и неудивительно, ведь верхними руками ему пришлось держать пару рук разъяренного существа, готового разодрать незнакомцу лицо.

Нападение оказалось настолько яростным, что Лиорен отступил в соседнюю комнату. При этом он заметил, как маленький Драхт-Юр прыгнул разъяренному существу под ноги и крепко обхватил их. Существо потеряло равновесие, и они все вместе грохнулись на пол.

– Чего вы ждете, парализуйте же его! – выкрикнул Лиорен. Но ему тут же стало жаль бедолагу, и он добавил, обращаясь к аборигену:

– Пока что я не знаком с вашим внутренним строением, но надеюсь, что давление моего тела на нижнюю часть вашей грудной клетки не вызовет повреждения ваших внутренних органов?

В ответ существо с новой силой попыталось вырваться из рук и так с трудом удерживающих его тарланина, землянина и нидианина. Переводу поддавались лишь отдельные издаваемые аборигеном звуки. Глядя на ошарашенное и напуганное существо, Лиорен сделал себе мысленный выговор. Его первый в жизни контакт с представителем ранее неизвестного разумного вида протекал не слишком-то удачно.

– Мы не сделаем вам ничего плохого, – закричал Лиорен, стараясь, с одной стороны, перекрыть аборигена, а с другой – придать голосу убедительность и заботливость. Теперь вопило не только взрослое существо, а и все его трое проснувшихся детей. – Мы не сделаем ничего плохого вашим детям. Прошу вас, успокойтесь. Наше единственное желание – помочь вам, вам всем, прекратить войну и положить конец болезни, которая терзает вас...

Наверное, существо поняло-таки слова Лиорена, поскольку, пока тот говорил, молчало – правда, вырываться продолжало.

– Но для того чтобы найти лекарство для лечения болезни, – чуть тише продолжал Лиорен, – нам нужно выделить и идентифицировать возбудителя, а для этого нам нужно взять на анализ вашу кровь и другие жидкости из организма...

Кроме того, им нужны были большие количества безопасных анестетиков, усыпляющих газов и синтетической пищи, соответствующей обмену веществ данного вида – на тот случай, если придется срочно бороться и с войной, и с болезнью одновременно. Однако, похоже, сейчас толковать все это местному жителю не стоило, поскольку оно все более упорно пыталось вырваться.

Лиорен посмотрел на Драфт-Юра и взглядом указал на одну из срединных конечностей аборигена, где вздувшаяся вена представляла собой идеальный полигон для взятия крови на анализ.

– Мы не сделаем вам ничего плохого, – продолжал увещевать Лиорен. – Не бойтесь. И, пожалуйста, перестаньте выдергивать руку.

Однако вынутый нидианским медиком инструмент – довольно объемистый, блестящий и вообще-то действовавший совершенно безболезненно – никакого доверия у существа не вызвал. Лиорен знал: поменяйся они местами, он бы не поверил ни одному своему слову.

Глава 3

Дальнейшие контакты с обитателями планеты, которую сами местные жители именовали Кромзаг, прошли более или менее легко, за исключением редких случаев упорного сопротивления. Более или менее легко потому, что частоту передатчика «Веспасиана» подладили под частоту массовых радиоканалов Кромзага и непрерывно передавали сообщения о том, кто именно прибыл на планету, откуда и с какой целью. А когда в конце концов совершил посадку сам «Веспасиан» и его экипаж принялся выгружать и собирать на Кромзаге здания передвижных больниц и центров по раздаче продовольствия, словесные заверения получили материальное подтверждение, и всякая враждебность по отношению к чужакам иссякла.

Однако это не означало, что кромзагарцы стали друзьями.

Лиорен был уверен, что знает о кромзагарцах все, кроме одного, как работает их мозг. Произведя вскрытие трупов, брошенных на поле боя, Лиорен получил исчерпывающую картину физиологии и метаболизма кромзагарцев. За счет этого появилась возможность соответствующим образом лечить аборигенов. Война через некоторое время прекратилась – затихла в облаках анестезирующих газов. Исследовательский корабль «Теньелфи» был превращен в скоростное судно, курсирующее между Кромзагом и Главным Госпиталем Сектора. На «Теньелфи» в госпиталь отправляли материалы, требующие более детального анализа. Обратными рейсами корабль доставлял заключения Главного патофизиолога Торннатора, заключения, которые чаще всего совпадали с выводами Лиорена.

Однако даже Торннатору было непросто разобраться в причинах и природе заболевания, которым страдали кромзагарцы. Для исследования требовались живые культуры, требовались больные, за которыми можно было пронаблюдать со времени появления первых признаков заболевания вплоть до перехода болезни в предсмертную стадию. Получив соответствующие инструкции, на Кромзаг отбыл специальный корабль – неотложка «Ргабвар». Но гораздо страшнее болезни, которая, похоже, поражала всех аборигенов по достижении ими среднего возраста, было их отношение к ней.

Один из больных согласился поговорить с Лиореном о себе, однако после разговора хирург-капитан не стал знать больше. Больной сообщил ему только номер файла своей истории болезни – кромзагарцы считали как письменный, так и устный символ своей личности самым священным предметом частной собственности и, даже будучи при смерти, отказывались сообщить чужакам свое имя. Когда Лиорен поинтересовался, почему местные жители бросались на пришельцев, хватая все, что попадется под руку, а друг с другом дрались безо всякого оружия, то кромзагарец ответил, что нет никакой особой чести в том, чтобы убить своего сородича, разве что только ценой великих усилий и подвергая себя большой опасности. По той же самой причине кромзагарцы избегали убивать больных, слабых и умирающих.

Сам же Лиорен свято верил, что отнимать жизнь у другого разумного существа – бесчестнейшее деяние. Положение обязывало его уважать чужие воззрения, какими бы шокирующими они ни казались ему, прошедшему суровую школу тарланского воспитания. Однако традиции кромзагарцев Лиорена просто коробили, и он ничего не мог с собой поделать.

Постаравшись поскорее поменить тему разговора, Лиорен спросил:

– А почему после драки вы забираете раненых и лечите их, а убитых оставляете там, где они упали? Мы знаем, что вашему народу известно кое-что о медицине, о целительстве, так почему же вы оставляете мертвых непохороненными – ведь это создает дополнительный риск распространения болезни среди населения, и так уже зараженного чумой? Зачем вы подвергаете себя этой совершенно ненужной опасности?

Больной был крайне слаб. Кожа его почти целиком была усеяна чумными бляшками. Несколько мгновений Лиорен не верил в то, что кромзагарец сумеет ему ответить, и даже в то, что он слышал вопрос. Однако абориген неожиданно заговорил:

– Разлагающийся труп действительно опасен для тех, кто проходит мимо. Но страх и опасность необходимы.

– Но зачем? – упорствовал Лиорен. – Чего вы добиваетесь, намеренно подвергая себя страху, боли и опасности?

– Мы приобретаем силу, – прошептал кромзагарец. – На время, на очень краткое время мы снова ощущаем себя сильными.

– А мы за очень краткое время, – заявил Лиорен с уверенностью целителя, располагающего всеми средствами медицинской науки Галактической Федерации, – сделаем так, что вы будете ощущать себя сильными и здоровыми безо всяких драк. Ведь вы же хотите жить в мире, без войны и болезней?

Неизвестно, откуда вдруг взялась сила в этом умирающем теле. Больной вскричал:

– Никогда, никогда на памяти ныне живущих не было такого времени, чтобы не было войны и болезни. Даже наши предки такого времени не помнили. А истории про времена, когда разрушенные ныне города были заселены здоровыми и счастливыми кромзагарцами, теперь рассказывают только для того, чтобы усмирить маленьких голодных детей, которые скоро вырастут и смогут драться и больше не станут верить этим выдумкам.

Вам следует покинуть нас, незнакомец, – тихо продолжал больной. – И дать нам жить так, как мы жили всегда. – Кромзагарец приподнялся на носилках. – Мысль о том, чтобы войны совсем не было, так страшна, что смириться с ней невозможно.

Лиорен задавал и еще вопросы, но больной, хотя и пребывал в трезвом уме и вообще пошел на поправку, не желал с ним разговаривать.

Лиорен нисколько не сомневался, что в ближайшее время будет найдено средство для медикаментозного лечения болезни, которой страдали более десяти тысяч кромзагарцев. Однако в душу врача закрадывались сомнения: стоило ли спасать вид, воюющий только тем оружием, которым его обеспечила эволюция, только потому, что лишь в драке получал возможность ощутить удовольствие? Строгие правила схваток, которыми руководствовались дерущиеся кромзагарцы, ни в коей мере не делали сами схватки менее варварскими. Да, аборигены не дрались со слабыми противниками, с детьми и с немногочисленными стариками, но лишь из-за того, что в подобных поединках почти отсутствовал риск и такие поединки, судя по всему, приносили слишком мало удовлетворения. Лиорен радовался, что в его обязанности входило только лечение ран и что ему не нужно было заниматься лечением исковерканной, на его взгляд, психики кромзагарцев.

И все же бывали случаи, когда Лиорен, стараясь отвлечь больного от удручающих мыслей о собственном плачевном состоянии, рассказывал ему о межзвездных путешествиях и Галактической Федерации. Лиорен говорил о том, какие удивительные, какие разнообразные формы может принимать жизнь, пытался вбить в головы аборигенов мысль, что они обитают на одной из многих сотен планет, населенных разумными существами. Конечно, по образованию и уровню знаний кромзагарцы очень уступали Лиорену, но от природы были восприимчивы и умны.

Интересно, что во время прослушивания рассказов Лиорена у больных кромзагарцев резко улучшалось состояние, и тогда тарланин гадал: будет ли страсть аборигенов к войне, к рукопашным схваткам удовлетворена за счет треволнений мирной жизни? Однако больные наотрез отказывались – не хотели или не могли (воспитание не позволяло) – рассказывать о себе подробнее, говорить о социальном поведении, моральных ограничениях, о чувствах, питаемых к тем или иным предметам, – вернее, такое происходило лишь тогда, когда больной был тяжело болен и плохо владел собой.

На самом деле Лиорен так толком и не знал, как чувствуют себя его пациенты, ибо на привычный для любого врача вопрос «как вы себя чувствуете» здесь никто не давал ответа.

«Ргабвар» должен был прибыть через двое суток, и Лиорен решил отправить самых разговорчивых больных в Главный Госпиталь Сектора для обследования и лечения, и еще он решил проконсультироваться со старшим медицинским сотрудником «Ргабвара».

Доктор Приликла был цинрусскийцем, представителем единственной в Федерации цивилизации эмпатов – существ, улавливающих чужие эмоции.

Лиорен попросил, чтобы встреча состоялась на медицинской палубе «Ргабвара», а не в переполненном карантинном отсеке «Веспасиана» – по причинам как практического, так и личного характера. Уровень фонового эмоционального излучения пациентов на «Веспасиане», несомненно, был крайне высок и очень огорчил бы доктора Приликлу. Лиорен считал, что нет ничего дурного в том, чтобы сочувствовать коллеге. К тому же на корабле-неотложке будет удобнее поделиться с эмпатом своими сомнениями по поводу кромзагарцев и будет больше надежд, что эти сомнения не достигнут ушей подчиненных, – так рассуждал Лиорен. Он твердо полагал: руководителю, для того чтобы добиться уважения и повиновения подчиненных, следует во все времена демонстрировать уверенность.

Вероятно, тех же взглядов придерживался и эмпат, но скорее всего Приликла на расстоянии уловил эмоциональное излучение Лиорена, верно проанализировал его и согласился на то, чтобы встреча прошла наедине. Лиорен был благодарен, но не удивился. Это так естественно – стремиться свести к минимуму излучение своих неприятных эмоций, – тогда другие тебе ответят тем же.

Цинрусскийец разместился на уровне глаз Лиорена над одним из смотровых столов – крупное, но при этом невероятно хрупкое насекомое, кажущееся сравнительно небольшим только по сравнению с внушительными габаритами Лиорена. Из трубчатого, покрытого хитином тела торчало шесть ног толщиной с карандаш, еще четыре более тонкие передние конечности и четыре пары широких радужных, почти прозрачных крыльев. Приликла медленно поднимал и опускал крылья, что позволяло ему неподвижно парить над столом с помощью подсоединенных к его тельцу устройств, создающих невесомость. Только на Цинруссе, где атмосфера была необычайно плотна, а сила тяжести составляла всего лишь одну восьмую от стандартного показателя, у летающих насекомых мог развиваться разум, появиться цивилизация, и они смогли освоить межзвездные перелеты. Лиорен не знал ни одной расы в Федерации, которая не считала бы цинрусскийцев самыми красивыми из всех разумных существ.

Одно из узких отверстий в изящной, изогнутой яйцеподобной головке Приликлы издало последовательность мелодичных трелей и щелчков, которые в переводе прозвучали так:

– Благодарю тебя, друг Лиорен, за излучаемые тобой дружественные чувства и за радость, доставляемую мне первой встречей с тобой. Кроме того, я улавливаю излучение сильных эмоций, природа которых позволяет мне предположить, что цель нашей встречи носит скорее профессиональный и неотложный характер, нежели сугубо личный. Я эмпат, но не телепат, – негромко добавил Приликла. – Тебе придется рассказать мне о своих тревогах, друг Лиорен.

Лиорен вдруг почувствовал раздражение из-за того, что его собеседник так часто обращается к нему, употребляя слово «друг». В конце концов Лиорен был руководителем операции по спасению населения на Кромзаге, хирургом-капитаном Корпуса Мониторов, а Приликла – всего лишь гражданским Старшим врачом в Главном Госпитале Сектора. Раздражение Лиорена оказалось настолько сильным, что эмпат задрожал всем телом и парение его стало куда менее ровным. Тут Лиорен понял, что, сам того не желая, применил против Приликлы оружие, к действию которого эмпат беззащитен, – эмоции.

Даже патологически воинственный кромзагарец – и тот отказался бы нападать на такого слабого и беспомощного врага.

Раздражение Лиорена быстро сменилось стыдом. Необходимо забыть о гордости, о том, какой у него ранг и сколько профессиональных побед. Вместо этого нужно попытаться сделать то, что так легко ему удавалось прежде, – вести себя как легкоранимый подчиненный и держать свои эмоции в узде.

– Благодарю тебя, друг Лиорен, за тот уровень ментальной самодисциплины, который ты только что показал, – прощелкал Приликла, не дав Лиорену и рта раскрыть. Эмпат приземлился на поверхность смотрового стола – легкий как перышко – и продолжал:

– Однако я отмечаю сильное фоновое эмоциональное излучение, которое тебе гораздо труднее сдерживать. Вероятно, эти чувства касаются кромзагарцев. Я тоже испытываю по поводу происходящего здесь очень сильные чувства – столь же сильные, как и ты, а общие чувства в отношении кого-либо или чего-либо приносят мне гораздо меньше огорчений. Так что, если ты ищешь у меня помощи, прошу тебя, говори без стеснения.

Лиорен снова ощутил раздражение из-за того, что ему позволяли говорить о кромзагарцах в то время, как он именно для этого сюда и явился, однако вспышка эмоций была кратковременна и тут же угасла. Начав говорить, хирург-капитан понял, что всего-навсего пересказывает свой последний отчет, копии которого были отправлены в Корпус Мониторов и лично Приликле, – тот самый отчет, который должен был быть доставлен на «Ргабваре» Торннастору. И все же для того, чтобы эмпат понял важность волнующих Лиорена вопросов, его следовало ознакомить с нынешним положением дел на планете.

Лиорен рассказывал об исследованиях, приносящих сведения, способные заинтересовать разве что промышленных археологов. Возраст многих из покинутых городов, горнодобывающих и промышленных комплексов на севере и юге насчитывал несколько веков, и выстроены эти города и комплексы были настолько конструктивно, что для их восстановления потребовались бы самые незначительные усилия. Минеральные ресурсы планеты неистощимы. Однако население Кромзага не предпринимало в этом отношении никаких усилий – даже минимальных, поскольку все жизненные силы были брошены на борьбу. Дело дошло до того, что многие из аборигенов перестали ухаживать за полями, культурные растения дичали, но даже их собирать у кромзагарцев не было сил. Население сосредоточилось в одной области – там, где можно было драться и за врачом далеко не ходить.

– Когда мы прекратили войну, – продолжал Лиорен, – вернее, когда наши бомбы с сонным газом приостановили сотни разрозненных групповых и одиночных драк, то численность живых особей на Кромзаге, по нашей оценке, составляла чуть меньше десяти тысяч. В это число входили взрослые, подростки и новорожденные. Однако в последнее время показатель смертности составляет примерно сто особей в день.

Приликла снова задрожал. Правда, Лиорен не понимал почему: то ли в ответ на излучаемые им эмоции, то ли в ответ на сообщение о росте смертности среди местного населения. Постаравшись придать голосу как можно больше спокойствия и сдержанности, Лиорен продолжал:

– И хотя мы обеспечивали кромзагарцев укрытиями, одеждой и синтетическим питанием, хотя мы стали даже собирать урожай с местных растений – аборигены порой слишком слабы, чтобы заниматься этим, – смертность сохраняется. Случаи смерти среди взрослых вызывает исключительно чума, к которой порой присоединяется инвалидность вследствие полученных ранений. Дети подвержены другим болезням, для лечения которых мы пока не нашли адекватных средств. Кромзагарцы принимают от нас питание и помощь, но по-настоящему благодарны за это только дети. Взрослые же не проявляют никакого интереса к тому, что мы пытаемся для них сделать. У меня такое ощущение, словно взрослые кромзагарцы относятся к нам как к нежелательной обузе, от которой, увы, не могут избавиться. Лично мне кажется, что их не интересует даже собственное выживание, они хотят, чтобы их оставили в покое и дали возможность совершить кровавое расовое самоубийство. Порой меня охватывает такое

чувство, что я думаю: стоит ли мешать агрессивным и жестоким кромзагарцам. А что они сами думают обо всем происходящем, я понятия не имею.

– И ты хочешь, чтобы я, воспользовавшись моим эмпатическим даром, сказал тебе, что они чувствуют? – спросил Приликла.

– Да, – подтвердил Лиорен, и это было сказано так страстно, что цинрусские затрепетали. – Я очень надеялся на то, что вам, доктор, удастся выявить желания кромзагарцев, их инстинкты, их чувства в отношении самих себя и своего потомства. Я же пребываю в полнейшем неведении. Я не понимаю их мышления и мотивации. А мне бы хотелось иметь возможность сказать им что-то такое, чтобы они захотели жить и расхотели умирать. Чего они боятся, в чем они нуждаются, что могло бы заставить их захотеть выжить?

– Друг Лиорен, – невозмутимо отвечал Приликла, – они боятся смерти, как любое сознательное существо, и они хотят выжить. Даже у самых тяжелых больных нет желания умирать, нет признаков расового самоуничтожения, и не следует...

– Прошу прощения, – вмешался Лиорен. – Мое предыдущее замечание относительно того, чтобы позволить кромзагарцам совершить расовое самоубийство...

– Это были слова, сказанные из-за беспомощности и отчаяния, друг Лиорен, – самым деликатнейшим образом прервал излияния тарланина Приликла. – Причем твое эмоциональное излучение в момент произнесения этих слов имело в корне противоположный характер. Так что извиняться не стоит. А я собирался сказать о том, – продолжал цинрусский эмпат, – что кромзагарцев не стоит осуждать за нежелание сотрудничать, за неблагодарность – нельзя до тех пор, пока мы не поймем, почему они такие неблагодарные. Эти чувства ярко выражены у всех взрослых пациентов, за которыми я наблюдал во время их перевозки в Главный Госпиталь Сектора. При опросах кромзагарцы, понимая, что мы пытаемся им помочь, не желают помогать нам и отказываются сообщать какие-либо клинические или личные сведения о себе. В тех случаях, когда опрос приобретал более настойчивый характер, больные возбуждались и пугались, и в это время у них наблюдалось выраженное, но кратковременное улучшение общего состояния.

– Я наблюдал такие же явления, – согласился Лиорен. – И предположил, что дело тут в смещении внимания с физического состояния на психическое. В основе подобных явлений лежит психологический механизм, способствующий порой излечить больного за счет его веры в успех лечения. Правда, я не считал эти наблюдения такими уж важными.

– Вероятно, ты прав, – вздохнул Приликла. – Однако Главный психолог О'Мара считает, что выраженное улучшение состояния больных вызвано стимулом страха в сочетании с фанатичным нежеланием общаться с нами, за исключением обмена несколькими словами, и что это указывает на наличие сильной и глубоко укоренившейся привычки – некой древней традиции, о которой каждый кромзагарец в отдельности может и не знать. Друг О'Мара сравнивает это гипотетическое табу с групповым психозом, которому подвержены гоглесканцы. Он говорит, что общение с кромзагарцами – это попытки проникнуть в весьма чувствительную область, покрытую, образно выражаясь, толстым слоем рубцовой мыслительной ткани. Доктор О'Мара советует всем действовать не торопясь и крайне осторожно.

Гоглесканский психоз... Обитатели планеты Гоглеск из-за него избегали физического контакта друг с другом на протяжении большей части зрелой жизни. На Кромзаге ничего подобного не наблюдалось.

Стараясь сдерживать нетерпение, Лиорен заметил:

– Если мы в ближайшее время не найдем лечения от здешней чумы, то вашему Главному психологу очень скоро не хватит субъектов для осуществления медленного и осторожного наблюдения. Какие успехи достигнуты со времени вашего последнего посещения планеты?

– Друг Лиорен, – мягко прошелкал Приликла. – Успехи достигнуты, и весьма значительные. Однако я целиком и полностью разделяю твои чувства – время терять нельзя. Поэтому я предлагаю, чтобы патофизиолог Мерчисон лично рассказала тебе о проделанной работе, вместо того чтобы я занимался пересказом. У тебя, друг Лиорен, наверняка появятся вопросы, а у меня, из-за моей эгоистичной потребности окружать себя положительными эмоциями, имеется пагубная привычка искать в любой ситуации позитивный аспект.

Первоначальная причина, по которой Лиорен так хотел встретиться с эмпатом лично, теперь отпала, а отказаться от предложения Приликлы без того, чтобы ужасно не огорчить как себя, так и цинрусскийца, тарланин не мог. Лиорен почувствовал – и наверняка эмпат это чувство уловил, – что он утратил инициативу.

* * *

Патофизиолог Мерчисон представляла собой теплокровное кислорододышащее существо физиологического класса ДБДГ. Ее тело, гораздо менее массивное и рослое, нежели тело Лиорена, было бугристым, мягким, утяжеленным в верхней части – словом, таким, как тела большинства женщин-землянок. Мерчисон была главной ассистенткой Торннатора в то время, когда не была занята на межзвездной неотложке. Говорила она четко, ясно, уважительно, но не заискивающе. Правда, у Мерчисон была неприятная привычка отвечать на вопросы еще до того, как Лиорен успевал задавать их.

– Идентификация, выделение и нейтрализация патогенных микроорганизмов у существ разных видов, – говорила патофизиолог Мерчисон, – это то, чем изо дня в день занимается отделение патофизиологии под руководством Торннатора. Однако практически все свойства кромзагарского вируса – механизм переноса, заражения, инкубации и размножения – не поддаются общепринятым методам исследования. Только в последние дни, – уверяла патофизиолог, – было установлено, что вирус либо передается от родителей плоду в момент зачатия, либо только от матери при рождении ребенка.

То, как вирус действует на взрослых кромзагарцев, вам известно, – продолжала рассказывать Мерчисон. – В настоящее время резонно предположить, что все население поголовно инфицировано. На стадии, предшествующей летальному исходу, большую часть поверхности тела больных покрывают белесые высыпания, имеют место разрывы кожных покровов. Этому сопутствуют общая слабость и истощение организма, которые порой на некоторое время отступают под воздействием сильных эмоциональных потрясений, таких как страх или чувство опасности. Все эти симптомы у детей выражены менее ярко, что заставило предположить наличие у них иммунитета к вирусу. Однако это предположение не подтвердилось.

Кроме того, – добавила патофизиолог, – мы обнаружили, что и слабость, и истощение организма встречаются у совсем маленьких детей, однако определенные выводы делать сложно, ведь мы не располагаем точными сведениями о том, какую активность должен проявлять здоровый кромзагарский малыш. Невероятно, но мы не можем точно определить возраст этих детей. Кое-какие устные заявления и физиологические данные позволяют предположить, что большинство из них вовсе не такие уж маленькие, какими кажутся. В некоторых случаях возраст следует удваивать и даже утраивать, поскольку заболевание не просто ослабляет и истощает организм, но также задерживает физиологическое развитие и вызывает значительную отсрочку периода полового созревания. Вероятно, в какой-то степени физиологическими аспектами болезни может объясняться и ярко выраженное антисоциальное поведение взрослых кромзагарцев. Однако это – из области размышлений. Поскольку вы пока не нашли ни одного взрослого здорового аборигена...

– Сомневаюсь, что это возможно, – печально проговорил Лиорен, – но вы упомянули о словесных заверениях и физиологических данных. Кромзагарцы ведь наотрез отказываются

сообщать о себе любые сведения. Как же была получена та информация, о которой вы упомянули?

– Большая часть тех больных, которых вы передали нам для обследования, оказалась детьми и подростками, то есть особями, не достигшими физической зрелости, – пояснила Мерчисон. – Взрослые больные упорно отказываются сотрудничать с нами, но О'Маре удалось завести разговор с несколькими детьми. Эти оказались не настолько упрямыми. Все это заставляет серьезно задуматься о кромзагарской цивилизации, ведь она действительно весьма загадочна, и...

– Патофизиолог Мерчисон, – перебил землянку Лиорен. – Меня интересует не цивилизация, а клиническая картина заболевания, которым страдают кромзагарцы, поэтому прошу вас, давайте не будем отвлекаться. Причина того, почему я просил «Ргабвар» перевезти в госпиталь и детей, и взрослых, состояла в том, что многие из этих детей остались без родителей и за ними некому было ухаживать. Помимо того, что эти дети страдали от недоедания или загрязнения атмосферы, у них отмечались симптомы респираторных расстройств, повышение температуры, либо чумной вирус поражал у них периферическую, сосудистую или нервную системы. Как я понял, исследования Торннастором в области местной чумы особых успехов не дали, а что вы можете сказать об обследовании детей, чье клиническое состояние, на мой взгляд, не так тяжело, как у взрослых, и, по всей вероятности, свойственно именно особям младшего возраста?

– Хирург-капитан Лиорен, – отчеканила Мерчисон, впервые назвав и звание, и имя тарланина, – я не говорила о том, что наши исследования безуспешны.

Все больные дети обследованы, и получено много разнообразной информации, – продолжала землянка уже более спокойно. – У одного ребенка, страдавшего острым респираторным заболеванием, отмечена незначительная, однако позитивная реакция на лечение. Но основные наши усилия направлены на поиски специфического средства для лечения эпидемии чумы среди взрослых. Было установлено, что в том случае, если бы удалось ликвидировать возникающие на фоне чумы истощение и слабость, если бы удалось нивелировать задержку роста, то все болезни, поражающие юных кромзагарцев, отступили бы за счет природных механизмов самозащиты и перестали бы носить угрожающий жизни характер.

«Ну, если такие сведения имеются, – подумал Лиорен, – значит, действительно есть прогресс».

– Начатые исследования, – с шумом выдохнула Мерчисон, – пока не завершены. Вначале препараты вводились в микроскопических количествах и в течение пятидесяти стандартных часов осуществлялось наблюдение за состоянием больных, после чего дозировку повышали. Так продолжалось вплоть до девятого дня. На девятый день сразу же после инъекции оба пациента потеряли сознание. – На миг Мерчисон умолкла, глянула на Приликлу и, видимо, получив от того какой-то не замеченный Лиореном знак, продолжала:

– Затем оба больных были изолированы от остальных и друг от друга. Это было сделано с тем, чтобы свести до минимума одновидовые накладки на их эмоциональное излучение. Доктор Приликла заключил, что уровень потери сознания крайне глубок, однако само бессознательное состояние больных не таково, чтобы говорить о возможности скорого летального исхода. Мы решили, что потерю сознания можно будет купировать, поскольку состояние больных больше напоминало сон, наступивший после длительной физической нагрузки. В связи с этим было произведено внутривенное вливание больным питательного раствора. Через несколько дней после этой процедуры у обоих больных отмечалось незначительное улучшение, признаки регенерации тканей, однако они продолжали оставаться без сознания, и положение становилось критическим.

– Но ведь это же значит!.. – начал было Лиорен, но тут же замолчал: Мерчисон подняла руку – эта женщина вела себя так, словно она была тут старшей по званию, а не тарланин. В

другое время у Лиорена зачесались бы конечности оторвать землянке голову за столь грубое нарушение субординации, но сейчас его больше волновало другое.

– Это значит, хирург-капитан, – Мерчисон сделала многозначительную паузу, – действовать нам надо крайне осторожно, и если первые двое больных, проходящих экспериментальный курс лечения, не умрут, а вернутся в сознание, мы самым старательным образом будем следить за их клиническим и психологическим состоянием, прежде чем расширим рамки экспериментальной терапии. Диагност Торннастор и все сотрудники его отделения считают, а доктор Приликла просто уверен, что мы близки к тому, чтобы найти нужный препарат. Но до тех пор, пока мы его не нашли, мы должны будем наблюдать за больными некоторое время, пока не...

– Некоторое время? Как долго? – резко и требовательно спросил Лиорен.

Хрупкое тельце Приликлы задрожало так, словно по медицинской палубе пронеслись порывы ураганного ветра, но Лиорен больше не мог сдерживать бурю своих эмоций – нетерпение, волнение, тревога разбушевались в его душе, вырвались и обрушились на тонкие крылышки эмпата. Лиорен решил, что позже извинится перед Приликлой, но теперь... теперь он мог думать лишь об одном: о том, что на зачумленной планете Кромзаг с каждым часом становится все меньше и меньше обитателей и что шансы уцелеть с каждым днем все меньше. Стараясь все же сдерживаться, он, насколько мог спокойно, спросил:

– Сколько мне ждать?

– Не знаю, сэр, – отвечала патофизиолог. – Мне известно лишь, что кораблю «Тенельфи» велено постоянно находиться в состоянии готовности к срочному вылету до того момента, как нужный препарат будет апробирован и разрешен для широкого применения. Как только это произойдет, вам тут же будет доставлена первая промышленная партия лекарства.

Глава 4

«Ргабвар» отбыл и увез довольно много больных, большую часть которых составляли совсем юные кромзагарцы. В изоляторе на «Веспасиане» лежало довольно много пациентов. Кроме того, больными были полны и полевые лазареты, ежедневно посещаемые Лиореном, и многие больные пребывали куда в худшем состоянии, чем те, кого увез «Ргабвар». Однако выживание любого вида – это будущее его потомства, и попасть в отделение к такому светилу, как Торннастор, уже было счастьем.

Лиорен не обращал внимания на вежливые, но все более саркастичные напоминания полковника Скемптона – главного администратора госпиталя – о том, что госпиталь не в состоянии вместить все население планеты Кромзаг и даже его часть и что для проведения клинического исследования набрано уже более чем достаточно пациентов. Содержание незакодированных посланий Скемптона было известно и экипажу «Ргабвара». Медики понимали, что палат действительно не хватает, однако Приликла не стал возражать против отправки еще двадцати кромзагарцев.

Лиорен думал о том, что Приликла – самое сговорчивое существо во всей изведанной Галактике, чего нельзя было сказать о кромзагарцах. Они были его пациентами, но им не суждено было стать его друзьями – и, вероятно, такое стало бы возможно только в том случае, если бы многочисленные божества Галактической Федерации (в существовании которых Лиорен сильно сомневался) сумели бы провести радикальную реконструкцию личности кромзагарцев.

Лиорен забегал к себе, только чтобы поесть да поспать. Все остальное время он проводил рядом с жутко нелюбезными больными или пытался морально поддержать около двухсот медиков и пищевиков, разбросанных по всему континенту и старающихся (увы, иногда безуспешно) спасти жизнь упрямым аборигенам. Лиорен все надеялся на то, что местные жители одумаются, захотят в конце концов поговорить с ним, сообщат сведения, которые дадут ему возможность им помочь. Он надеялся, что в непроницаемой стене необщительности, замкнутости появится хотя бы крошечная трещинка... но все было тщетно. Кромзагарцы – и дети, и взрослые – продолжали умирать с удручающей частотой. Увы, ни на планете, ни даже в Главном Госпитале Сектора не было возможности всем больным поголовно вводить питание внутривенно. Время от времени, несмотря на строжайший надзор как на поверхности, так и с орбиты, кромзагарцы ухитрялись-таки погибать от рук друг друга.

Так оно и случилось как-то раз, когда Лиорен пролетал на флайере над одним из лесных поселений, которое давным-давно объявили заброшенным – видимо, такое заключение было сделано из-за того, что местные обитатели просто-напросто попрятались на деревьях. Лиорен заметил, что шестеро кромзагарцев ведут бой на лужайке, в пространстве между двумя хижинами. К тому времени, когда флайер, способный вместить четверых нидиан, не будь у тарлафина таких длинных ног, сделав круг, приземлился неподалеку от поля боя, четверо кромзагарцев уже валялись на земле бездыханные.

Невзирая на множественные укусы и глубокие царапины от ногтей ранений, Лиорену удалось установить, что трое погибших были мужского пола. Четвертой была женщина, жить которой оставалось считанные секунды. Драхт-Юр вдруг указал на два кровавых следа, тянувшихся по примятой траве к распахнутой двери одной из хижин.

Шаги у Лиорена были шире – около двери он оказался раньше нидианина и первым увидел два корчащихся окровавленных тела, сцепившихся на полу в последнем смертельном поединке. Лиорен с трудом сдержал презрение к подобному звериному поведению существ вроде бы разумных. Шагнув к дерущимся, Лиорен просунул между ними свои срединные конечности и попытался разнять. Вот тут-то он и был смущен донельзя: оказалось, что это не двое дерущихся насмерть мужчин, а мужчина и женщина, предающиеся акту совокупления.

Тарланин отпустил их и попятился, но они вдруг забыли друг о друге и яростно накинулись на него, а тут как раз подоспел Драхт-Юр и на полном ходу врезался Лиорену под колени. Из-за этого двустороннего нападения Лиорен шлепнулся на спину, двое кромзагарцев оказались сверху, а нидианин – где-то под ним. Несколько мгновений Лиорену пришлось заниматься спасением собственной жизни.

После того, как в первые же дни выяснилось, что аборигены слабы и измождены болезнью, было решено отказаться от ношения тяжелых защитных костюмов, и все сотрудники Корпуса Мониторов сменили их на обычную бортовую одежду – более легкую и удобную, но защищавшую только от солнца, дождя и укусов насекомых.

Лиорен ощутил прикосновение чужих рук, ног, коленей и зубов – и чуть не задохнулся от возмущения. На его родной планете Тарла выяснение отношений никогда не осуществлялось в столь варварской манере. И хотя по числу конечностей Лиорен не уступал двоим кромзагарцам, вместе взятым, выбраться из этой кучи-малы он никак не мог. Кромзагарцы вели себя отнюдь не как ослабленные и измученные чумой существа. Они наносили Лиорену серьезные телесные повреждения и причиняли такую боль, о существовании которой тарланин прежде и не догадывался.

Отразив ряд сильных ударов и отчаянно пытаясь помешать кромзагарцам вырвать с корнем свои стебельчатые глаза, Лиорен сообразил, что Драхт-Юр пробует выползти из-под него и уползти к двери. То, что агрессоры этого не заметили, тарланина порадовало: нидианин не отличался физической силой и ловкостью, необходимыми для рукопашной схватки. Чуть погодя Лиорен краем глаза увидел на голове нидианина прозрачный шлем, услышал долгожданный хлопок – это открылся баллон с усыпляющим газом – и почувствовал, как вдруг обмякли тела терзавших его кромзагарцев. Вскоре они медленно сползли на пол.

Все то непродолжительное время, пока покрытые белесыми чумными бляшками аборигены входили с Лиореном в чересчур тесный контакт, он думал о том, какое счастье, что местные патогенные микроорганизмы не способны инфицировать его – представителя иной расы.

А вот усыпляющий газ, подобранный для работы на Кромзаге, неплохо, пусть и не так быстро, воздействовал и на других теплокровных кислорододышащих. Лиорен не мог двигаться – он только слышал, как рычит и лает Драхт-Юр, перевязывая ему самую опасную рану. Наверное, нидианин пытался сказать своему начальнику о том, что хотел отправить пилота флайера за медицинской помощью, но что его транслятор напрочь отказывается работать – видимо, сломался во время потасовки. Не сказать, чтобы Лиорена все это так уж безумно огорчало – да, он получил множество ранений, но жесткий пол уже казался ему самой мягкой пуховой периной... Однако сознание тарланина работало четко и ясно и не желало поддаваться сну.

Вмешательство в половой акт кромзагарцев явилось серьезной ошибкой, однако ничего удивительного в такой ошибке не было: с тех самых пор, как спасательная экспедиция высадилась на Кромзаге, никто из ее участников ничего похожего на спаривание у аборигенов не наблюдал, и был сделан вывод, что Кромзагарцы слишком слабы и измучены войной и болезнью для того, чтобы проявлять хоть какую-то сексуальную активность. Поэтому реакция кромзагарцев, сила и ярость отпора изумили и напугали Лиорена.

Сезон спаривания на Тарле был очень недолгим, и подобная активность, в особенности у взрослых тарлан, много лет проживших в браке, становилась причиной для торжества и публичной демонстрации и уж никак не для того, чтобы скрывать свои отношения, – хотя Лиорен знал о том, что представители многих рас в Галактической Федерации – рас во всем остальном высокоразвитых – рассматривали акт соития как нечто сугубо личное.

На самом деле никакого опыта у Лиорена в этих вопросах не было вообще – ведь он посвятил себя целительству и просто не мог предаваться никаким радостям, способным отрицательно повлиять на его врачебную объективность. Будь он рядовым тарланином – ремесленником или представителем любой другой профессии, не требующей безбрачия, и вмешайся

кто-нибудь так, как он сейчас, в его любовный акт, Лиорен бы высказал словесное неудовольствие, но такую агрессию – нет, никогда!

Ужасно огорченный случившимся, Лиорен упорно ломал голову над причиной такой реакции аборигенов. Она представлялась ему совершенно неразумной даже для совершенно нецивилизованных существ. А вдруг кромзагарцы, будучи тяжело больны и изранены во время недавней схватки, заползли в дом ради того, чтобы подарить друг другу последнюю, предсмертную радость? Лиорен точно знал, что совокупляться кромзагарцы могли только по обоюдному согласию – уж слишком сложен был сам механизм соития, чтобы любой из партнеров мог совершить насилие над другим.

Не исключал Лиорен и такого варианта, что совокупление явилось итогом драки, что женщина, так сказать, досталась победителю. У подобного поведения имелась масса исторических прецедентов – правда, на счастье, не в тарланской истории. Однако этот вариант не подходил: в драке участвовали особи обоих полов.

Лиорен решил, что обязан подготовить подробный отчет о случившемся для специалистов-этнографов, которым когда-нибудь придется вынести свое заключение по кромзагарской проблеме, – если, конечно, хоть кто-то из местных жителей останется в живых к тому времени, когда планете будет предложено вступить в Федерацию.

Вдруг все четыре глаза Лиорена, один из которых следил за хлопочущим около кромзагарцев Драхт-Юром, перестали видеть. Комната погрузилась во мрак. Лиорен успел ощутить легкое раздражение и провалился в сон.

* * *

Драхт-Юр поместил Лиорена в изолятор на «Веспасиане» и настаивал, чтобы его руководитель пробыл там до полного заживления ран. Он не устал напоминать Лиорену о том, что если до сих пор он, Драхт-Юр, ходил в подчиненных, то теперь он – врач, а Лиорен, соответственно, пациент, – причем напоминал назойливо и ворчливо, вполне в духе нидиан – косматых ехидных коротышек.

Однако Лиорен, невзирая на все увещания Драхт-Юра о важности покоя и постельного режима, время от времени все же вел себя как начальник и распорядился-таки, чтобы рядом с его кроватью разместили коммуникационную систему.

Время плелось словно беременный струмлер вверх по склону горы, а медицинская ситуация на Кромзаге ухудшалась день ото дня. Смертность выросла до ста пятидесяти случаев в день, а «Теньелфи» все не прилетал. Лиорен послал короткое радиосообщение в Главный Госпиталь Сектора. Это сообщение было записано заранее и повторено несколько раз, дабы его легче было воспроизвести после долгого пути по космическим дебрям. Лиорен спрашивал, есть ли какие новости. Он не удивился, не получив ответа, – он понимал, что затраты энергии на долгий рассказ о новостях были бы колоссальны. Собственно, своим сообщением Лиорен только хотел напомнить, что медицинский и обслуживающий персонал на Кромзаге близок к отчаянию, что нарастает недовольство, что ситуация напоминает массовый психоз, – но ведь в госпитале об этом и так прекрасно знали. Пять дней спустя пришло сообщение, что «Теньелфи» отправился в путь и прибудет на Кромзаг через тридцать пять часов. Корабль вез лекарство – препарат, прошедший предварительное тестирование, однако не апробированный в отношении отдаленных побочных эффектов. Это лекарственное средство устраняло самые тяжелые симптомы чумы. Кроме того, в сообщении говорилось, что к крупной партии медикаментов приложена документация: подробное описание патофизиологического исследования и указания по применению. Новость очень обрадовала Лиорена, но он быстро обуздал свои эмоции и принялся строить планы, как побыстрее разослать лекарства по планете. Драхт-Юр несколько смягчил свои предписания – и позволил Лиорену переместиться из палаты в центр

связи «Веспасиана», правда, наотрез запретил тарланину не только летать на не приспособленном к тарланской физиологии флайере, но и вообще спускаться на поверхность планеты. Однако всеобщая радость продлилась только до прибытия «Тенельфи».

Исследовательский корабль доставил огромную партию лекарств. Для лечения местной чумы требовалась всего лишь одна инъекция препарата, однако Лиорену предписывалось воздержаться от повсеместного лечения эпидемии до тех пор, пока не будет проведено дополнительное исследование в полевых условиях.

Судя по данным, приведенным Главным патофизиологом Торннастором, физиологические параметры после введения минимальных доз препарата были весьма благоприятны, однако существовала опасность серьезных побочных эффектов. Наблюдались отдельные случаи помрачения сознания. Правда, все эти эпизоды носили кратковременный характер и могли не иметь тяжелых последствий, но все же требовалось дальнейшее исследование. После однократной инъекции препарата наступало не слишком значительное, но непрерывное улучшение симптоматики и жизненных показателей. В последующие дни наблюдалась регенерация тканей и органов по всему телу. Будучи в сознании, больные просили и поглощали пищу в таких объемах, которые весьма и весьма превосходили размеры их желудка и мало соответствовали плачевному общему состоянию. Отмечалось неуклонное нарастание массы тела.

Подобным же образом реагировали на лечение и дети. У них также чередовались периоды потери сознания с полубессознательным состоянием, вот только дети требовали питания в еще больших объемах. Ежедневные измерения доказывали, что кромзагарские дети быстро растут и набирают вес.

Был сделан вывод о том, что, вероятно, на фоне улучшения общего состояния у детей, чей рост претерпел задержку из-за чумы, происходило возвращение к норме, и они набирали вес и рост, соответствующий возрасту. Что касается периодов потери сознания, то их сочли необходимыми для компенсаторного отдыха столь бурно регенерирующего организма и не представляющими особого клинического значения. Препарат давали в очень малой дозировке, однако минимальное увеличение этой дозировки сразу вызвало резкое нарастание вышеописанных эффектов у одного из больных. Невзирая на великолепную физиологическую эффективность лечения, эпизоды потери сознания все же вызвали определенную тревогу, и высказывалось опасение о возможности поражения мозговых структур в будущем.

Торннастор просил прощения, что посылает препарат, апробированный не до конца. Он оправдывался тем, что гипопространственные сигналы, получаемые от Лиорена, заставили всех поторопиться. С тем, чтобы выиграть время, препарат отправили поскорее и окончательную апробацию рекомендовали провести прямо на месте. Торннастор же, в свою очередь, намеревался продолжить апробацию нового лекарства в стенах госпиталя.

– Мне предписано апробировать препарат на группе, насчитывающей не более пятидесяти кромзагарцев, – пояснил Лиорен после того, как пересказал инструкции Торннастора младшему медицинскому персоналу. – В группу рекомендовано включить больных самого разного возраста, с разной степенью заболевания и вводить препарат с небольшими различиями в дозировке. Особенное внимание нам советуют уделять умственному состоянию больных, пребывающих в полубессознательном состоянии. Мы должны надеяться, что по возвращении домой и помещении в привычную среду их сознание придет в норму. Период первоначальной апробации займет десять дней, после чего...

– За десять дней мы потеряем четверть оставшегося населения, – не выдержал Драхт-Юр, голос которого даже через транслятор звучал сердитым хриловатым лаем. – И так уже в живых осталось две трети по сравнению с тем, что было, когда «Тенельфи» разыскал эту проклятую Круттом планетку. Они тутдохнут, как... как...

– Вы угадали мою мысль. – Лиорен не стал выговаривать Драхт-Юру за дурные манеры, но для себя решил, что надо будет уточнить, кто такой Крутта. – Однако не из-за нашего еди-

номыслия я намерен нарушить предписания Торннастора. И, прошу заметить, это мое решение. Безусловно, я готов выслушать ваши профессиональные советы и прислушаться к ним, если они окажутся ценными, однако и руководство, и ответственность за все последствия я беру на себя, и только на себя. Вот такой у меня план.

Никому даже в голову не пришло критиковать план Лиорена – настолько тщательно он все продумал, не пренебрегая никакими мелочами, и вот что удивительно: подчиненные давали Лиорену советы, однако эти советы носили личный, а не профессиональный характер.

Большей частью советы заключались в том, чтобы послушаться Торннастора, но расширить рамки экспериментальной группы до нескольких сотен, может быть, даже до тысячи больных вместо пятидесяти. Сотрудники наперебой говорили о том, что экспериментальный курс ничего особенного не даст, кроме надежд на лучшее будущее. Лиорен чувствовал большое искушение последовать советам подчиненных – хотя бы только из уважения к тому, чьи рекомендации он получил вместе с лекарством, – ведь Торннастора считали лучшим патофизиологом в Галактической Федерации. Это заботило Лиорена намного больше, нежели соображения карьеры. Однако тарланскому медику все же казалось, что Торннастор не до конца понимает всю срочность ситуации на Кромзаге. Заведующий Отделением Патофизиологии Главного Госпиталя Сектора был большим педантом, он всегда требовал от своих сотрудников совершенства в работе и ни за что бы не позволил, чтобы стены его отделения покинул несовершенный продукт. Вероятно, то, что он позволил Лиорену поучаствовать во втором этапе эксперимента, было единственным компромиссом, на который пошел Торннастор. Лиорен прощал ему даже некоторое отсутствие гибкости мышления – ведь этот громадный, неповоротливый тралтан был битком набит всевозможной информацией, и вдобавок говорили, что его мозг непрерывно поглощал мнемोगраммы медиков всевозможных биологических видов.

А смертность на Кромзаге уже добиралась до двухсот случаев в день. Лечить всего пятьдесят больных представлялось совершенно ненужной предосторожностью в то время, как практически всему населению можно было дать шанс выжить. Смотреть же, как кромзагарцы мучительно умирают, и заниматься в это время испытаниями препарата Лиорен не мог – такой путь представлялся ему трусливым и в корне несправедливым.

В столь отчаянной ситуации он был готов простить ту недоработку курса лечения, которую не прощал себе Торннастор. Лиорен полагал, что психологическое воздействие препарата почти наверняка было преходяще, а если нет – что ж, последствиями можно было заняться позднее и излечить их. Но даже если бы случилось худшее, если бы психика кромзагарцев пострадала необратимо, вряд ли бы эти изменения передалась их потомству: О'Мара утверждал, что все психические явления на фоне терапии не носят органического характера.

Главный психолог утверждал, что дитя, рожденное от излеченных от чумы родителей, будет психически здорово, невзирая на какие-либо отклонения в психике взрослых.

«Психически здорово, – с тоской думал Лиорен, – насколько это вообще возможно для любого представителя этой кровожадной расы».

Своим подчиненным Лиорен сказал, что при проведении лечения ото всех потребуются профессионализм и быстрота, что не стоит тратить время ни на какие исследования, когда речь идет о спасении жизни всей планеты. Примерно через час после окончания собрания спасательная экспедиция приступила к осуществлению плана Лиорена. Каждый из членов Корпуса Мониторов, кто только мог передвигаться, занялся доставкой медикаментов – кто-то отправился пешком в близлежащие поселения, кто-то полетел в отдаленные на флайерах. На «Веспасиане» в итоге остались только вахтенные, радисты и техники, следившие за безотказностью систем корабля. Лиорен, которому полученные раны все еще мешали свободно передвигаться на большие расстояния, делил свое время между коммуникационным центром корабля и лазаретом, где выполнял роль дежурного врача, будучи единственным медиком на борту.

Лекарство больным вводили в разной дозировке, в зависимости от возраста, веса тела и клинического состояния. Детям дозу утаивали по сравнению с той, которую рекомендовал Торннастор для эксперимента, а тем, кто был при смерти, увеличивали еще больше. Следовало в первую очередь заниматься лечением самых тяжелых больных, однако даже в небольших группах населения отмечались такие различия в степени развития болезни, что представлялось целесообразным вводить любому кромзагарцу лекарство сразу же, как только он попадался медику на глаза.

Очень скоро выработался четкий ритм, но программа осуществлялась настолько стремительно, что заскучать никто не успевал. Несколько слов утешения и пояснения, укол, после которого неподалеку от больного оставляли запас продовольствия и воды, – и все. Больные, как правило, были настолько слабы, что могли разве что выразить словесный протест, но в это время медик уже был на пути к новому пациенту.

К концу третьих суток инъекции получило все население Кромзага, и начался второй этап операции: больных посещали – по возможности, ежедневно приносили новый запас еды и воды и регистрировали любые изменения в клиническом состоянии. Медики и обслуживающий персонал трудились днем и ночью. Порой им приходилось питаться той самой безвкусной, невыразительной синтетической едой, которую они приносили кромзагарцам, порой они не смыкали глаз по несколько суток кряду. Члены спасательной экспедиции выбивались из сил. Из-за этого была совершена одна вынужденная посадка флайера, было зарегистрировано два дорожно-транспортных происшествия, которые, к счастью, обошлись без жертв, но не без травм, так что в лазарете на «Веспасиане» появились новые пациенты, чумой не страдающие.

На четвертые сутки в судовом лазарете скончался один из взрослых кромзагарцев, однако смертность на планете успела упасть до ста пятнадцати случаев в день. На пятый день умерли всего семь аборигенов, после чего на шестой день вообще не было зарегистрировано ни одного смертельного исхода.

Невзирая на численность больных в лазарете и невзирая на то, что здесь ухаживать за ними и кормить их было намного легче, положение дел на «Веспасиане» отражало общее положение дел на Кромзаге.

Как и прогнозировал Торннастор, внешние проявления болезни быстро отступали, взрослые больные просили все больше и больше пищи и, несмотря на то, что пища была синтетическая, поглощали ее с отменным аппетитом. Лиорену очень хотелось узнать, как больные себя при этом чувствуют, однако они по-прежнему отказывались сотрудничать и даже не позволяли прикасаться к себе. И все подчиненные Лиорена, и команда «Веспасиана», за редким исключением, работали на континенте, поэтому он счел за лучшее не форсировать этот вопрос – в особенности потому, что больные день ото дня набирались сил. Несмотря на различия в массе тела, дети ели больше, чем взрослые, и росли не по дням, а по часам, что совпадало с наблюдениями Торннастора.

Очевидно, местная чума для того, чтобы вызвать такую задержку роста, должна была поразить всю эндокринную систему организма. Теперь же, когда процесс пошел вспять, когда юные кромзагарцы начали не только расти, но и созреть, у них появились изменения отнюдь не клинического характера. Юные пациенты, чей страх быстро исчезал и сменялся любопытством, привыкли к странному внешнему виду Лиорена – незнакомой конфигурации тела, множеству конечностей, и стали общительны, как все дети.

А потом Лиорен заметил, что дети опять замкнулись – по-видимому, из-за того, что теперь с ними больше стали разговаривать взрослые кромзагарцы. И разговаривали они с детьми только тогда, когда Лиорена в палате не было.

К этому времени травмированные сотрудники Корпуса Мониторов поправились и вернулись в свои каюты до полного выздоровления. О чем разговаривали кромзагарцы между собой, Лиорен не знал. Узнал он об этом на девятые сутки. Лиорен, как обычно, принес больным

еду, произнес несколько ободряющих слов, на которые ему, как обычно, никто не ответил, а перед уходом незаметно переключил один из динамиков так, что смог слышать разговоры больных из своей каюты.

Как любой подслушивающий, Лиорен ожидал, что сейчас же услышит какие-нибудь гадости в свой адрес, а также по поводу всех «дурных снов с неба» – именно так буквально переводились слова, которыми кромзагарцы называли пришельцев. Но он напрочь ошибся. Кромзагарцы тараторили, щебетали и пели хором – так, что отдельные голоса слышны не были. И лишь когда один взрослый кромзагарец обратился не то к одному ребенку, не то к нескольким сразу, только тогда Лиорен понял, о чем идет речь.

Оказалось, что в палате была затеяна церемония инициации – подготовка, наставления и рассказ о половой жизни для юношей, достигших зрелости.

Лиорен поспешно прервал связь: ритуал посвящения в мужчины во многих цивилизациях являлся областью весьма тонкой, деликатной, и Лиорен считал себя не вправе вмешиваться в оный процесс. И если бы он продолжил подслушивание из чистого любопытства, он перестал бы себя уважать.

Утешало Лиорена только то, что за исключением двух маленьких девочек – совсем крошек – все остальные больные в изоляторе были мужского пола.

В последующие дни случаев смерти зарегистрировано не было, зато начала сдавать воздушная и наземная техника, безостановочно трудившаяся восемь суток подряд. Конвейер по производству синтетического питания на «Веспасиане» работал с максимально возможной перегрузкой, а это позволялось делать не более чем в течение нескольких часов. Сотрудники тоже изнемогали. Признаки стресса и страшной слабости были налицо. И медики, и техники уже почти не разговаривали друг с другом и засыпали на ходу. Все понимали, что операция удалась, что теперь никто из кромзагарцев не умрет, – вот только это и служило для изможденных спасателей движущей силой, топливом и смазкой.

Не сказать, чтобы спасатели сильно огорчались, но все же повальная неблагодарность кромзагарцев несколько раздражала: аборигены реагировали на все, что для них делалось, единственным способом – дисциплинированно уничтожали запасы синтетической еды. Ни к каким советам медиков они не прислушивались. Правда, особой агрессивности кромзагарцы не проявляли и вели себя враждебно только в тех случаях, когда медицинский работник пытался дотронуться до них или взять кровь на анализ.

Лиорен уже не впервые задумывался о том, какая все же неблагодарная и неприятная раса живет на этой планете. Однако его область – физиология, а не психология, а физиологическая проблема, похоже, была решена. Главный Госпиталь Сектора хранил молчание.

Лиорен представлял, как медленно и скрупулезно продолжает работу Торннастор, у которого относительно немного больных, как в его отделении постепенно приближаются к тому этапу лечения, который Лиорен уже осуществил в масштабах целой планеты. Но вины в том тралтана-патофизиолога не было – ведь именно он нашел лекарство от кромзагарской чумы. Хотя, если бы Лиорен не проигнорировал рекомендации, рискуя вызвать неудовольствие начальства, сейчас многие сотни кромзагарцев уже были бы мертвы. Он без ложной скромности считал найденное им решение проблемы просто-таки элегантным.

Лиорен так рассчитал дозировку препарата, варьируя ее в зависимости от возраста, массы тела и клинических показателей, что и дети, и взрослые выздоравливали одинаково хорошо. Лиорен понимал, что нарушил субординацию, но надеялся, что успехи искупят его вину.

На следующий день рано утром Лиорен отправил короткое сообщение на базу Корпуса Мониторов на Орлигии и копию этого сообщения – в Главный Госпиталь Сектора. Лиорен просил прислать еще несколько установок для производства синтетического питания, несколько наборов запасных частей для флайеров и вездеходов. Он не забыл указать, что за последние дни случаев смерти на Кромзаге не наблюдалось. На борту «Теньелфи» в госпиталь отправился

медик с полным отчетом о проделанной работе. Лиорен полагал, что просьба выслать синтезаторы питания вкупе с данными о ликвидации смертности должна показать Торннастору, чего добился Лиорен, а посланный тарланином медик должен был добавить к отчету подробности.

Драхт-Юр трудился просто замечательно, и Лиорен полагал, что за свой труд нидианин вполне заслужил такую награду, как приказ вернуться к выполнению своих обязанностей на борту «Тенельфи». Кроме того, хирург-лейтенант тем самым исчезал со сцены, а это давало возможность Лиорену, чьи раны уже поджили, нарушить наложенный строгим нидианином карантин.

Вечером, прежде чем уйти спать, Лиорен, как обычно, выставил около изолятора охранника – хотя эту меру предосторожности он считал излишней, поскольку до сих пор никто из кромзагарцев не проявлял интереса к тому, что находится за пределами палаты. На охране стоял капитан Вильямсон – на тот случай, если из лазарета выберется какой-нибудь любопытный кромзагарский ребенок и отправится обследовать корабль. «Мало ли что – вдруг поранится!» На завтра Лиорен запланировал облет дальних лазаретов – он хотел впервые после начала спасательной операции оценить достигнутые успехи собственными глазами.

«Я увижу, – говорил себе Лиорен, в душе которого смешались радость, гордость и самодовольство, – последний этап излечения эпидемии чумы на Кромзаге».

Наутро, прежде чем вылететь на флайере, Лиорен отправился навестить больных в изоляторе. Там он увидел стены, забрызганные кровью. Все взрослые пациенты были мертвы. Охранник, после того как его основательно вырвало, сообщил, что слышал из-за двери негромкие голоса и пение, но потом все стихло – вот он и подумал, что пациенты заснули. Однако, судя по состоянию трупов, пациенты вовсе не спали, а молча дрались. В результате в живых остались только две маленькие девочки.

Лиорен все еще пытался справиться с потрясением, пытался заставить себя поверить в то, что не спит, что все это не ужасный сон, как вдруг у него за спиной ожил громкоговорящий. Лиорену предписывалось срочно явиться в центр связи корабля, а также сообщалось, что массовое самоубийство произошло не только в изоляторе «Веспасиана», а по всему Кромзагу.

Очень скоро выяснилось, что хирург-капитан Лиорен не вылечил, а убил все население планеты.

Глава 5

Когда Лиорен закончил говорить, в зале суда стало тихо-тихо. Несмотря на то, что все присутствующие в подробностях знали о кромзагарской катастрофе и о том, какую ответственность за случившееся нес Лиорен, даже повторного рассказа обо всем этом хватило для того, чтобы в ужасе умолкло любое цивилизованное существо.

– Вина за случившееся целиком и полностью лежит на мне, – подытожил Лиорен. – А для того, чтобы никто не испытывал в этом ни малейших сомнений, я бы попросил дать показания Главного патофизиолога Торннастора.

Тралтан, медленно передвигая шесть слоновых ног, добрался до места, откуда было положено выступать свидетелю, и, обратив по глазу к председателю суда, Лиорену, О'Маре и к своим запискам, заговорил. Через несколько минут командор флота Дермод поднял руку и прервал Торннастора.

– Свидетель не обязан, – сердито проговорил председатель суда, – приводить в своих показаниях такое количество клинических деталей. Без сомнения, они представляют большой интерес для медиков, коллег свидетеля, но эти детали совершенно непонятны суду. Прошу вас, выражайтесь проще, диагност Торннастор, и переходите к объяснению того, почему кромзагарцы повели себя подобным образом.

Торннастор постучал по полу двумя средними конечностями, выражая тем самым недовольство – правда, точное значение этого жеста мог понять только другой тралтан, – и буркнул:

– Хорошо, сэр...

Торннастор объяснил, что в госпитале сигнал с «Веспасиана» получили вовремя для того, чтобы успеть предотвратить катастрофу, подобную той, которая случилась на Кромзаге. Кроме того, лечение в госпитале осуществлялось медленно, поэтапно. Всех кромзагарцев распределили по отдельным палатам. Отделение Психологии удвоило свои попытки преодолеть нежелание больных сотрудничать. Кромзагарцев старались уговорить ответить на вопросы.

И только тогда, когда больные стали хоть немного рассказывать о себе, было принято решение поведать им о том, что стряслось на их родной планете, – да и решение это было принято неохотно, после долгих дебатов о том, как таковое сообщение скажется на психике кромзагарцев. Пациентам сказали, что они – единственные оставшиеся в живых представители своей нации. Конечно, не обошлось без злобы и обвинений, однако кромзагарцы рассказали вполне достаточно для того, чтобы выстроить гипотезу, которую впоследствии подтвердили результаты археологических раскопок.

По самым точным оценкам, впервые чума появилась на Кромзаге примерно тысячу лет назад. Тогда на планете уже прекратились всякие войны, и уровень техники был таков, что местные жители освоили воздухоплавание в пределах атмосферы. Относительно причины и развития чумы сведения были таковы: болезнь передавалась при совокуплении от любого из родителей ребенку. Поначалу последствия болезни были не слишком опасными и скорее просто удручали кромзагарцев, чем грозили их жизни. Кромзагарцы путешествовали мало, беспорядочные связи среди них были явлением крайне редким – отношение к браку на планете предполагало прочную, долгую семью. Ряд наиболее дальновидных кромзагарцев сумел организовать здоровые общины, где не было ни одного больного чумой. Однако процесс заключения браков носил эмоциональный характер, и тут было не до медицинских препон. В конце концов болезнь преодолела и этот нематериальный барьер. Прошло еще три столетия, и чума стала гулять по планете, заражая всех поголовно – и взрослых, и детей. К тому времени выросла ее вирулентность, стали общим явлением случаи смерти кромзагарцев среднего возраста.

Ученые-медики никак не могли справиться с эпидемией, и к концу следующего столетия кромзагарская цивилизация скатилась до первобытного уровня, и никакой надежды на

возрождение не было. Больше десяти лет после наступления зрелости никому прожить не удавалось. Кромзагарцам грозило вымирание, и притом очень скорое, поскольку чума оказала губительное воздействие на рождаемость.

– К настоящему времени симптомокомплекс болезни, – продолжал Торннастор, – изучен в деталях, и о нем можно рассказывать очень долго, в частности о том, как влияет заболевание на эндокринную систему и в итоге сказывается на росте и созревании организма... но для уважаемого суда я постараюсь сказать попроще... Для взрослых обоих полов, – тралтан на секунду замешкался, – одним из факторов, сказавшихся на снижении рождаемости, оказались неприятные с визуальной точки зрения изменения кожных покровов. Однако это имело второстепенное значение. Даже если кожные покровы обоих партнеров оставались безупречными, из-за болезни происходило угнетение эндокринной системы, настолько выраженное, что сам акт совокупления и зачатия становился невозможным без сверхсильной эмоциональной стимуляции.

Торннастор умолк. Внешность тралтана не позволяла предположить наличие у него каких-либо эмоций. Наверное, внутри его громадной, куполообразной головищи в это время мелькали какие-то картины, которые и заставили его сделать паузу. Затем диагност заговорил снова:

– Были попытки преодолеть эти трудности медицинским путем, они пробовали применить вещества, выделенные из дикорастущих растений, вещества, усиливающие чувствительность и оказывающие галлюцинаторное действие. Эти методы оказались неэффективными. От них отказались, опасаясь пагубного привыкания к вышеупомянутым веществам, смертей из-за передозировки и рождения нежизнеспособных младенцев, наделенных серьезными врожденными деформациями. Впоследствии было найдено решение, вообще не имевшее отношения к медицине и заключавшееся в добровольном возврате в области социального поведения к правилам первобытного строя.

Кромзагарцы начали войну.

Торннастор рассказал о том, что войну кромзагарцы вели не ради захвата земель, не ради обретения преимуществ в торговле. Военные действия велись не на расстоянии, не с укрепленных позиций, не профессиональными военными при поддержке военной техники. Воевали не насмерть, потому что противники не имели намерений убивать друг друга: ведь зачастую они могли оказаться родственниками или друзьями. Да и вообще нельзя было говорить о наличии воюющих сторон – шли рукопашные схватки между мужскими особями, и единственной целью этих схваток было максимальное устрашение противника, причинение ему боли, создание опасности, но убивать соперника по возможности не следовало. Побитый, израненный противник угрозы не представлял, поэтому его бросали на месте драки в надежде, что к утру он оправится от ран и сможет снова драться.

Жизнь для кромзагарцев стала драгоценностью. И с каждым годом она становилась все драгоценнее и драгоценнее. Рождаемость все снижалась и снижалась. Поэтому кромзагарцы изо всех сил старались сберечь нацию.

Только за счет жуткой перегрузки органов чувств болью, за счет страшного напряжения мышц, за счет величайшего эмоционального стресса уснувшая под действием чумы эндокринная система просыпалась и возвращалась к некоему подобию нормальной активности. Эту активность эндокринная система сохраняла в течение времени, достаточного для того, чтобы произвести совокупление и зачатие.

Однако смертность от чумы не снижалась, а рождаемость не возрастала. Численность населения неуклонно падала, а вместе с ней уменьшалась и населенная территория. Кромзагарцы сбились на одном континенте, чтобы сохранить остатки нации и природных ресурсов, а также для того, чтобы находиться поближе друг к другу. Данные археологических раскопок свидетельствовали, что прежде кромзагарцы вовсе не были воинственной нацией. Такими их

сделала нужда в схватках, во время которых они время от времени друг друга убивали. К тому времени, как планета Кромзаг была обнаружена исследовательским кораблем «Теньелфи», практика рукопашных схваток среди взрослых глубоко укоренилась в сознании кромзагарцев.

– И хотя решение Лиорена было продиктовано соображениями клинического плана, – продолжал свой рассказ Торннастор, – и хирург-капитан думал о спасении множества жизней, он никак не мог предусмотреть, что может произойти вследствие полного и быстрого излечения от чумы, поскольку не знал об истоках странной кромзагарской традиции рукопашных схваток. Не исключено – и Главный психолог О'Мара со мной в этом согласен, – что вылеченные кромзагарцы понимали, что чувствуют себя гораздо лучше, чем прежде, что у них прибавилось сил. Вероятно, подсознательно они даже чувствовали, что им больше не нужно драться, не нужно создавать для себя ситуации повышенной опасности ради того, чтобы ощутить сексуальное возбуждение. Однако много веков кромзагарцев учили: для того чтобы совокупление с особью противоположного пола прошло успешно, предварительно надо как следует подраться. В сознании кромзагарца соединены результаты воспитания с эволюционным императивом. Поэтому, чем лучше себя чувствовали кромзагарцы, тем сильнее было их желание драться и размножаться. У многих юных особей, чье физическое развитие и рост были задержаны чумой, очень резко наступила зрелость, и они тут же ощутили потребность драться.

Но настоящая трагедия, – тралтан тяжело вздохнул, – заключалась в том, что после лечения кромзагарцы стали намного сильнее физически – и по отдельности, и все вместе. Раньше они все были больны, слабы и неспособны на значительные физические усилия. А новообретенная сила погасила в них страх боли и смерти. Им стало трудно оценивать опасность, исходящую как от них самих, так и от их противников. В итоге они переубивали друг друга. Погибли все взрослые на Кромзаге, в живых остались только младенцы и подростки.

Вот вкратце, – завершил свое выступление Торннастор, – то, что произошло на Кромзаге.

За долгой речью Торннастора последовала еще более долгая пауза. Наконец стало слышно, как тихо урчит холодильная система жизнеобеспечения находившегося в зале суда СНЛУ. Было похоже на Воспоминательное Молчание, принятое у тарлан после смерти друга, вот только здесь речь шла о смерти населения целой планеты, и, казалось, никто не решится это молчание нарушить.

– При всем моем уважении к суду, – неожиданно проговорил Лиорен, – я прошу, чтобы суд был окончен здесь и сейчас, во избежание дальнейших споров и ненужной траты времени. Я обвиняюсь в геноциде на почве халатности. Я виновен безусловно. Ответственность за случившееся и вина – полностью мои. Я требую для себя смертного приговора.

О'Мара встал, когда Лиорен еще не договорил. Главный психолог отчеканил:

– Защите хотелось бы внести поправку в выступление обвиняемого по весьма важному пункту. Хирург-капитан Лиорен не совершал геноцида. Во время печальных событий он действовал быстро и верно для создавшейся обстановки. Он предупредил госпиталь, он организовал спасение и проявил заботу об осиротевших кромзагарских детях – все это в то время, когда его подчиненные так растерялись, что даже не успели вовремя пустить усыпляющий газ, дабы прекратить схватки кромзагарцев. В этот период действия капитана-хирурга Лиорена были безукоризненны, и хотя свидетели здесь сейчас не присутствуют, их показания переданы гражданскому суду на Тарле, они этим судом приняты и имеются...

– С этими показаниями никто не спорит, – нетерпеливо прервал О'Мару Лиорен. – Они отношения к делу не имеют.

– Полученное вовремя предупреждение, – продолжал О'Мара, казалось, даже не обратив внимания на то, что Лиорен прервал его, – и последующие действия Лиорена привели к тому, что всех взрослых кромзагарцев, проходивших курс лечения в стенах нашего госпиталя, отделили друг от друга, дабы они не смогли друг друга убить. Дети же и здесь, и на Кромзаге были спасены. Всего сейчас живы и здоровы тридцать семь взрослых и двести восемьдесят

три ребенка. Число особей обоих полов примерно одинаково. У меня нет сомнений, что после длительного обучения, переселения и оказания кромзагарцам специальной психологической помощи, направленной на ломку стереотипного поведения, Кромзаг снова будет заселен, и теперь, когда чума ликвидирована, население планеты вернется к мирной жизни.

Вполне понятно, что обвиняемый испытывает по поводу случившегося гипертрофированное чувство вины, – чуть тише добавил психолог. – Не будь это так, он бы не стал созывать этот трибунал. Однако вероятно, что испытываемое обвиняемым чувство вины и его желание как можно скорее от этой вины избавиться, получив наказание за приписанное себе преступление, – все это привело к тому, что обвиняемый сгустил краски. Как психолог, я вполне понимаю чувства Лиорена и симпатизирую им, понимаю, как ему хочется сбросить бремя вины. Я уверен, мне не стоит напоминать суду, что среди шестидесяти пяти наций, составляющих Галактическую Федерацию, нет ни одной, которая практиковала бы в качестве наказания смертную казнь.

– Вы правы, майор О'Мара, – кивнул командор флота. – Напоминание совершенно ненужное. Пустая трата времени. Будьте кратки.

Кожа лица О'Мары опять приобрела красноватый оттенок. Он сказал:

– Кромзагарцы не уничтожены, они выживут как нация. Капитан-хирург Лиорен виновен лишь в преувеличении полномочий, но никак не в геноциде.

Лиорен разом ощутил гнев, отчаяние и жуткий страх. Сохранив взгляд одного глаза на О'Маре, остальные три он устремил на каждого из членов суда и, стараясь сдерживаться, проговорил:

– Не стоит говорить о преувеличениях. Вина моя безмерна. И мне нет нужды напоминать майору О'Маре о том наказании, которое должен нести всякий медик, чья беспечность или халатность повлекли за собой смерть пациента. У такого медика нет будущего.

Я виновен в халатности, – упрямо продолжал Лиорен, всем сердцем желая, чтобы транслятор смог воспроизвести звучащее в его голосе отчаяние. – Мне смешны попытки защиты приуменьшить и простить мои деяния. Тот факт, что остальные, включая и персонал госпиталя, занятый в исследовании по апробации противочумного препарата, были потрясены поведением кромзагарцев, для меня не извинение. Сам я ни в коей мере не должен был удивиться такому обороту событий, поскольку к моим услугам была вся информация, все ключи к разгадке – мне бы только верно угадать! Но я не угадал, потому что интуицию мою затмевала гордыня и амбиции, потому что я самонадеянно полагал, что быстрое и полное излечение кромзагарцев улучшит мою профессиональную репутацию. Я не угадал правду, потому что был халатен, ненаблюдателен, потому что мышление мое было косным. Я проявил преступное ханжество, отказавшись подслушать разговоры кромзагарцев о взаимоотношениях между лагами – это могло бы дать мне четкое представление о возможном развитии событий, я был нетерпелив, не слушал начальство, призывавшее к осторожности...

– Амбиция, гордыня и нетерпеливость, – поспешно вставил О'Мара, – это не преступления, и уж если суду стоит за что-то наказывать Лиорена, так это за некоторую степень профессионального небрежения. Самое страшное наказание в таких случаях – небольшое понижение по службе.

– Мы, – чванливо проговорил командор флота Дермод, – не можем позволить защите диктовать суду, что ему делать, а что нет, а также вмешиваться в последнее слово обвиняемого. Сядьте, майор. Хирург-капитан Лиорен, вы можете продолжать.

Вина, страх и отчаяние настолько переполнили сознание Лиорена, что он вдруг позабыл о прибереженных напоследок убийственных аргументах. Говорить он теперь мог только о своих чувствах, говорить и надеяться на то, что эти чувства будут поняты.

– Мне почти нечего добавить к сказанному, – вяло проговорил Лиорен. – Я виновен в чудовищной ошибке. Я вызвал смерть многих тысяч кромзагарцев, и я не достоин того, чтобы жить дальше. Я прошу у суда милосердия и смертного приговора.

О'Мара снова встал.

– Я знаю, – проворчал он, – что последнее слово – за обвинением. Но позвольте выразить вам все мое уважение, сэр, и сказать, что я обратился к суду с прошением по этому делу. В прошении высказано представление, которое пока не было возможности обсудить.

– Ваше прошение принято и рассмотрено, – отрезал Дермод. – Копия прошения была передана обвиняемому, который, по вполне понятным причинам, прошение отклонил. И да будет мне позволено напомнить защите, что последнее слово за мной. Прошу вас сесть, майор. Суд удаляется на совещание.

Трех офицеров, членов трибунала, окутало серое полушарие – дымчатое защитное поле.

Казалось, оно лишило дара речи и всех остальных. Присутствующие в зале смотрели на Лиорена, а Лиорен увидел в последнем ряду Приликлу. Расстояние для эмпата было большим, и все же маленький цинрусский дрожал. Но сейчас Лиорен никак не мог сдерживать свое эмоциональное излучение. Как только он вспомнил содержание прошения, поданного О'Марой в суд, он ощутил такой непередаваемый ужас, такое отчаяние, такой гнев, что ему впервые в жизни сознательно захотелось лишить жизни другое существо.

О'Мара заметил, что один из глаз Лиорена смотрит на него в упор, и едва заметно наклонил голову. Лиорен знал, что О'Мара – не эмпат, но, наверное, и хороший психолог мог сейчас прочесть, что творится в душе у Лиорена.

Вдруг защитное поле исчезло, и председатель суда склонился к столу.

– Прежде чем вынести приговор, – сурово проговорил командор флота, глядя на О'Мару, – суду хотелось бы получить от защиты разъяснения и заверения относительно возможного поведения обвиняемого в случае вынесения ему не смертного приговора, а приговора, предусматривающего лишение свободы. Учитывая нынешнее состояние психики хирурга-капитана Лиорена, нет ли вероятности, что и в том, и в другом случае быстро наступит смерть обвиняемого?

О'Мара встал и, глядя скорее на Лиорена, чем на Дермода, отчеканил:

– Мое профессиональное мнение таково: этого не случится. Заключение мое основано на наблюдении за обвиняемым во время его обучения здесь и за его поведением после кромзагарской катастрофы. Хирург-капитан – существо с высокоразвитыми морально-этическими нормами, он сочтет бесчестным уход от назначенного ему наказания путем самоубийства. Правда, лишение свободы можно рассматривать как более суровую меру, если говорить о муках совести. Однако, если суд обратится к моему прошению, то там я говорю не о лишении Лиорена свободы, а лишь об ограничении этой свободы. Я могу высказаться и более определенно: сам себя обвиняемый не убьет, но будет благодарен суду, если суд сделает это за него.

– Благодарю вас, майор, – кивнул Дермод и повернул голову к Лиорену. – Хирург-капитан Лиорен, – громко и отчетливо проговорил председатель суда. – Настоящий трибунал подтверждает приговоры, вынесенные гражданским и медицинским судами вашей родной планеты Тарла. Вы признаетесь виновным в непростительной ошибке, которая, увы, привела к ужасной катастрофе, и, хотя в сложившихся обстоятельствах, наверное, милосерднее было бы поступить именно так, как вы просите, мы не отступим от юридической практики, сложившейся в Федерации на протяжении трех столетий, и не вынесем вам смертного приговора. Вместо этого вы приговариваетесь к ограничению свободы, к исправительным работам сроком на два года, вы лишаетесь медицинской степени и своего звания в рядах Корпуса Мониторов. Вам запрещается покидать этот госпиталь. Места здесь вполне достаточно для того, чтобы ваше заключение не тяготило вас. По вполне понятным причинам вам также запрещается приближаться к отделению, где лежат кромзагарцы. Вы будете работать под руководством и под наблюдением

Главного психолога О'Мары. За время вашего пребывания здесь майор собирается провести вашу психокоррекцию, что поможет вам начать свою карьеру заново.

Позвольте выразить вам сочувствие членов суда, бывший хирург-капитан Лиорен, и наши наилучшие пожелания.

Глава 6

Лиорен стоял на голом полу перед письменным столом О'Мары. С трех сторон тарланина окружали сиденья, предназначенные для особых разных физиологических классификаций. Лиорен смотрел на психолога во все глаза. Со времени вынесения приговора и назначения такого режима, в котором Лиорен при всем своем желании ничего не мог изменить, отношение тарланина к этому приземистому седовласому двуногому, отличавшемуся привычкой никогда не отводить взгляд, несколько изменилось: из жгучей ненависти, граничащей с желанием убить, оно превратилось в неприязнь. Неприязнь эта так глубоко укоренилась в сознании Лиорена, что он сомневался, удастся ли ему когда-либо от нее избавиться.

– Для того, чтобы лечение прошло успешно, вовсе не обязательно, чтобы вы питали ко мне симпатию. – О'Мара словно прочел мысли Лиорена. – К счастью, это так, иначе в госпитале не осталось бы ни одного сотрудника. Я взял вас под свою ответственность, а вы, прочитав копию моего прошения в трибунал, должны были понять, по какой причине я так поступил. Нужно ли мне повторить, по какой именно?

О'Мара утверждал, что главной причиной того, что стряслось на Кромзаге, были определенные черты характера Лиорена. Эти недостатки можно было выявить и скорректировать во время курса стажировки в госпитале, и за это упущение вина целиком и полностью лежала на Отделении Психологии. В этом случае, а также учитывая тот факт, что Главный Госпиталь Сектора психиатрической клиники не являлся, Лиорена следовало рассматривать не как больного, а как практиканта, недостаточно успешно закончившего курс обучения. Его определили в отделение к О'Маре, под надзор к Главному психологу. И несмотря на то, что Лиорен уже доказал свои медицинские таланты, несмотря на то, что он частенько работал с представителями других видов, становясь стажером он приобретал статус ниже квалифицированной палатной медсестры.

– Нет, – отозвался Лиорен.

– Хорошо, – кивнул О'Мара. – Терпеть не могу терять сотрудников и время. Сейчас у меня для вас нет никаких особых поручений. Вы можете свободно передвигаться по госпиталю. Поначалу вас будет сопровождать кто-нибудь из отделения. Если же подобное сопровождение вызовет у вас замешательство или сильное огорчение, то вам будет поручена несложная кабинетная работа. Вы поближе познакомитесь с нашим отделением, с психологическими файлами сотрудников, многие из которых будут для вас в свободном доступе. Если же вы вдруг заметите какие-либо случаи необычного поведения, необычной реакции представителей разных видов друг на друга, необъяснимое снижение профессионального уровня у кого-либо из своих коллег, то обо всем этом вы будете сообщать мне, предварительно обсудив это с кем-нибудь из сотрудников отделения – вам скажут, достойно ли сообщение моего внимания.

Важно помнить, – продолжал психолог, – что за исключением нескольких особо тяжелых больных в госпитале все до единого знают о происшествии на Кромзаге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.